Григорий Сальман

МОЯ ВОЙНА

Григорий Сальман

МОЯ ВОЙНА

Книга воспоминаний

Санкт-Петербург
2004

С16

Сальман Г. Я.

С16 Моя война. Воспоминания. — СПб.: Журнал «Нева», 2004. — 64 с.

ISBN 5-87516-051-9

Григорий Яковлевич Сальман

МОЯ ВОЙНА
Книга воспоминаний

Редактор Б. Н. Никольский. *Оформление* С. А. Булачевой.
Компьютерная верстка А. В. Власова

Журнал «Нева», 191186, Санкт-Петербург, Невский пр., 3.

Подписано в печать 04.06.2004. Бумага офсетная № 1. Формат 70×108 1/32.
Гарнитура «Таймс Тен». Усл.-изд. л. 3,48. Тираж 70. Зак. 06

Моей жене Анне Львовне Бильсон, дочерям Бэле и Марине, а также ученикам, ставшим моими друзьями, посвящаю эти воспоминания

Мне исполнилось 80. И мои ученики уговорили продиктовать воспоминания о войне. Особенно настаивали на этом те, кто прослушал мое получасовое выступление по радио 9 мая 2003 года. Есть в этом заслуга и Юрия Радкевича, также моего ученика, который вел эту передачу.

Прежде, чем говорить о войне, немного о себе. В начале 1937 года директор 28-й школы Московского района Леонид Васильевич Попов собрал мальчиков седьмых классов и сказал, что по решению правительства создаются специальные артиллерийские школы, где будут обучаться юноши 8-х, 9-х, 10-х классов. Выпускники этих спецшкол будут направляться в военные училища, готовившие командиров Красной армии.

Вечером, когда отец пришел с работы, немного отдохнул, я обратился к нему с вопросом:

— Что мне делать?

Он, практически почти не раздумывая, сказал:

— Тебе жить, тебе работать — решай сам.

А мне только пошел 14-й год. Подумав немного, учтя, что дома было довольно тяжело, а в спецшколе обещали обмундирование и некоторые другие льготы, я решил поступить в 8-й класс специальной артиллерийской школы. И с 1 сентября 1937 года я начал там учиться. В 1940 году я закончил спецшколу. На комиссии по распределению по

училищам я пытался попасть в артиллерийское техническое училище, добивался этого.

Но комиссия направила меня во 2-е Ленинградское артиллерийское училище.

О войне ниже. А пока скажу, что в июне 1946 года был демобилизован, ограниченно годный по состоянию здоровья, по ранениям. Сейчас подполковник в отставке.

Война. Трудное, тяжелое это было время.

Иногда кажется, что лучше бы и не вспоминать. Но нет, очень часто возвращаешься в эти годы. И, несмотря на все пережитое в войну и после, горжусь тем, что был там, где надо было быть, и делал то, что надо было делать. И мы, молодые лейтенанты, брали на себя ответственность за людей, технику, страну. Это не были высокие слова. Так тогда не говорили, мы это чувствовали. Мы говорили просто, буднично, мы очень быстро повзрослели.

22 июня 1941года. Лагерь 2-го Ленинградского артиллерийского училища в Луге. Накануне нас еще раз предупредили, что завтра на лужском лагерном стадионе будет большой спортивный праздник.

Утром в спортивной форме нас построили и с оркестром впереди колонны повели на стадион. Пришли на стадион, стоим, разговариваем, разбредаемся понемножку, никто ничего не объявляет. В 10 часов утра, хотя, война, как известно, уже шла много часов, раздалась команда: строиться. И уже без оркестра мы направились в свое расположение, к тем баракам, в которых мы жили. Подошли, последовала команда одеться в рабочую форму и собраться всем в курилках. Это беседки, наподобие детских, посередине как-бы песочница, и там же в этих беседках висели тарелки громкоговорителей. В 12 часов прослушали выступление Молотова, а вскоре горны разнесли по всему лагерю сигнал боевой тревоги. Орудия, трактора срочно завозим в лес, маскируем; усилили охра-

ну. Всем выдали по 60 патронов. Спать легли, не раздеваясь, сняли только сапоги, ослабили ремни.

24 июня мы погрузились в эшелоны, а на следующий день уже прибыли в Эстонию, где разгрузка происходила на станции Тапа. Это примерно километров 120–130, не доезжая до Таллинна. Здесь охраняли станцию, город, аэродром. В патрулирование ходили по три человека с винтовками с примкнутыми штыками и с патронами, досланными в патронник. Были случаи обстрела патрулей.

Через несколько дней снялись и своим ходом двинулись к Нарве. Здесь я впервые попал под бомбежку и обстрел фашистских самолетов. Укрывались под танками.

4 июля с тяжелыми ранцами, в которых лежало белье, предметы личной гигиены, трехдневный запас неприкосновенной пищи, некоторые учебники, тетради, поверх ранца — шинели-скатки, с винтовками образца 1891 — 30-го годов, мы вышли из Нарвы по направлению к Ленинграду. С небольшими десятиминутными привалами мы шли чуть больше суток. И прибыли в Красное Село, где нас разместили в лагере Пехотного училища. До сих пор удивляюсь, как мы выдержали этот более чем стокилометровый марш-бросок да еще с таким грузом. В последующие несколько дней занимаемся, усиленно занимаемся в помещении училища на улице Воинова, особенно по тактике боя, по подготовке данных для стрельбы, запасаемся некоторыми учебниками, пособиями, уставами, в основном, у АИРовцев. В училище был специальный курс, где готовили артиллеристов инструментальной разведки. Подгоняем лейтенантскую форму.

Во второй половине дня 19 июля нас отпустили по домам, обязав явиться на Московский вокзал к 23.30. Дома я провел несколько часов. Старший брат к началу войны служил на аэродроме в Белостоке и от него не было никаких известий. Младший был отправлен в лагерь в Пестово. На вокзал родителям я не разрешил ехать. Папа

проводил меня только до трамвайной остановки. Здесь мы попрощались, и больше я его не видел. Он умер в блокадном городе 26 января 1942 года.

А 20 июля выезжаем в Москву. Эшелон из одних лейтенантов в спальных вагонах — лейтенанты из трех артиллерийских училищ — добирается до Москвы долго. Утром наш эшелон остановился на станции Малая Вишера. Здесь, недалеко от вокзала, жила старшая сестра моей мамы. Ее сын Гриша недавно демобилизовался из кадровой армии и работал на Кировском заводе. С начала войны, как опытный танкист, был призван в действующую армию. В августе 1941 года он погиб в боях за город Сольцы. Второй сын, Самуил, служил в Ленинграде в зенитном полку. Пробыв несколько минут у родных, я вернулся в эшелон.

При подъезде к Москве рано утром, точнее ночью еще, за несколько десятков километров нас остановили, т. к. Москву бомбили. Утром, въезжая в Москву, прибываем в Главное артиллерийское Управление, где нас размещают в помещении школы.

Несколько дней в Москве... Поднимается небольшой ропот. Требуем направления в части. Одну ночь дежурили на крыше, вторую ночь, мы, небольшая группа, прошли под землей по станциям метро, точнее по путям между станциями до выхода на улицу, там, где метро поднималось наверх. Видели на станциях тысячи людей с одеялами, подушками, небольшими узлами. Это врезалось на всю жизнь.

Дней через пять-шесть дали назначение. Нас, группу из 13 лейтенантов, направили в 211-ю стрелковую дивизию, которая формировалась в это время в Троицко-Сергиевской Лавре, точнее, как тогда говорили, в городе Загорске. Всех нас распределили по стрелковым полкам по 1–2 человека, а большую часть в артиллерийский полк этой дивизии. Я попал в 894-й стрелковый полк.

Рано утром 31 июля прибыл к командиру полка. Это немолодой, невысокого роста, чуть полноватый, с большой лысиной, подполковник с орденом Боевого Красного Знамени. Предложил присесть. Коротко расспросил меня, а затем предложил принять полковую батарею из семидесятишестимиллиметровых пушек. Я наотрез отказался, сказав, что никогда не ездил верхом на лошади, незнаком с лошадьми, а батарея на конной тяге, кроме того, мне еще нет 18 лет, а весь состав батареи, он сам сказал об этом, из запаса — и командиры, и бойцы. А я единственный — кадровый, что его и обрадовало. Все они, примерно, в два раза старше меня или около этого. С трудом, но он согласился с моими доводами. Потом вдруг предложил: «Прими батарею стодвадцатимиллиметровых минометов». Я говорю, что я не знаю этих систем, только видел эти минометы, тогда он вынужден был согласиться и направить меня в батарею командиром взвода управления с условием, что я буду усиленно заниматься не только с бойцами, но и с командиром батареи, командирами взводов, которые только что прибыли из запаса.

Поскольку батарея была на конной тяге, мне надо было еще научиться ездить на лошади. Бойцы с первого же дня начали меня учить ездить на лошади без седла. Несколько раз падал. На батарею дали всего одно строевое седло — командиру, ездовым — старые. Несколько суток еще учусь ездить не только без седла, но и в старом седле, которое брал у ездовых. С командирами отношения хорошие. Командир батареи Щербаков, все они младшие лейтенанты, командиры огневых взводов, Коробов и Куваев, командир взвода боепитания Птицын.

Через три дня выезжаем на учения, которыми руководит начальник штаба артиллерии дивизии. Я еду в седле от ездового, разведчики — без седел. А еще через день раздается команда: подготовиться к отправке на фронт.

5 августа началась погрузка в эшелон. Я отвечаю за погрузку лошадей и сена. Выехали через окраины Москвы. А 7 августа утром выгрузились на станции Фаянсовая. Совершив переход примерно в 80–90 километров, мы остановились в 35–40 километрах от линии фронта. Занимаемся боевой подготовкой, в том числе провели, первые и последние до фронта, боевые стрельбы. Одновременно занимаем боевые позиции у Варшавского шоссе.

Во второй половине августа совещание в штабе полка всех средних командиров, где нас предупредили, что после ночного марша к линии фронта с рассветом сразу наступление с форсированием реки Десна вброд. Это было южнее Ельни. В связи с болезнью командира взвода боепитания Птицына, мне, кроме своего взвода, пришлось заниматься и его взводом. Когда мы начали наступление, в моем взводе на 24 бойца было только три винтовки и ни одного седла. Через несколько дней в ходе успешного, хотя и медленного, наступления, все, оставшиеся в строю, бойцы имели винтовки, а я и разведчики — седла. Несколько дней продвигаемся вперед. Хорошо запомнилась деревня Староселье, где мы остановились.

Поздно вечером я был послан подогнать тылы, ускорить подвоз снарядов. Еду по дороге и вдруг замечаю, что ноги у лошади светятся синим пламенем. Спрыгнул, и тотчас мои сапоги покрылись таким же синим пламенем. На дороге были разбиты бутылки с КС. Последние десятилетия эти бутылки называют коктейлем Молотова. Не помню такого названия во время войны. Эти бутылки были в 1941 году и очень мало в 1942 году. Спрыгнув с коня и отведя его на обочину, я залепил все четыре ноги грязью, а затем и свои сапоги. С рук это синее пламя постепенно исчезло.

Противник все чаще и чаще контратакует. Затем наше наступление было остановлено. Наша батарея, остановленная или оставленная в деревне Староселье,

была поставлена на его оборону. Распределили орудия по краям деревни, у каждого орудия встал один из командиров — лейтенантов, младших лейтенантов. У того орудия, у которого я был, было очень хорошее укрытие. Я забрался на крышу дома, откуда корректировал огонь из этого орудия. Противнику удалось довольно близко подойти к деревне. Не только разрывы минометных мин, но и свист пуль из пулеметов и даже автоматов вокруг нас. Последовал приказ: начать отход. И только подцепили лошадей, как одна из мин разорвалась в среднем уносе одного из орудий, а затем вторая мина накрыла это же орудие. Где-то пострадало еще одно орудие, ибо, когда мы вышли из деревни, или, вернее, выскочили на рысях и двигались дальше к леску, из 4-х орудий осталось только два. Во время нашего движения к лесу, до которого осталось не меньше километра, справа на окраине другой деревни появляются три танка. Два остановились, а один быстро помчался наперерез нам около опушки леса. Сзади у него был огромный барабан, из которого, разматывался провод в красной оплетке. Позже, когда мы подошли к этому леску, наткнулись на этот провод, и, достав из передка топор, разрубили его. Два танка, которые остались на окраине деревни, открыли люки, показались танкисты в шлемах — до них было не более 400, может быть 500 метров — и стали размахивать красными флажками. В бинокль мы это увидели. Мы подумали, что это наши, и очень обрадовались, что теперь нам будет полегче. Но вскоре люки закрылись, и эти танки открыли по двигавшимся нашим орудиям и отступавшей пехоте пулеметный и артиллерийский огонь. Пройдя лесок и часть довольно большого, примерно полукилометрового отрезка открытого поля, кстати, значительная его часть была покрыта неубранной то ли рожью, то ли ячменем, мы вышли к берегу Десны. Здесь началась переправа вброд. Шли примерно по пояс в воде, может быть, немножко

выше, держа высоко над головой свое личное оружие, вещи. Большинство из нас не снимали сапог, и я в том числе. На том берегу постарались отойти немножко подальше от реки, но тут попали на наше минное поле. Двигались очень осторожно, растянувшись подальше друг от друга. Послышался взрыв слева метрах в ста, а потом другой справа, но все-таки мы преодолели это поле благополучно и дальше стали двигаться на восток. Вскоре подразделение 211-й стрелковой дивизии собираются вместе, выясняются потери. Оказалось, что 829-й артиллерийский полк дивизии потерял большую часть своих орудий. Было решено все семидесятишестимиллиметровые орудия батарей объединить с остатками этого артиллерийского полка. Так и наши два орудия, и мы, оставшиеся на батарее, вошли в состав 829-го артполка.

Занимаем оборону по Десне. НП на высоком берегу на опушке леса. Слева и сзади лес. Впереди внизу Десна, справа лощина, поле, небольшой бугор на этом поле, где оборону занимает группа пехотинцев. Когда стреляем, пристрелял два репера, один хорошо запомнил: одиноко стоящая береза. И сегодня она стоит перед глазами.

28 сентября с утра сначала в тылу, а затем на НПС с командиром батареи отметил свое восемнадцатилетие. В ночь с 28 на 29 сентября стоявший на посту красноармеец Каменецкий совершил самострел. Услышав глухой звук, я выскочил из землянки и увидел, что у него правая нога без сапога, с винтовки снят штык, а из левой руки показалась кровь. На рассвете комбат под охраной отправил его в штаб. Что было дальше с этим красноармейцем, не помню.

2-е октября. Много событий сохранила память о войне. Но этот день один из наиболее памятных. Прошло более шестидесяти лет, а многие эпизоды этого дня стоят перед глазами. С какой стороны освещало солнце тех или иных людей, предметы и, как и на какое расстояние и по

какой траве полз, чтобы убрать фашистского пулеметчика. Как возвращал побежавших пехотинцев на бугор к их пулемету, и как сам собой заработал оставленный бойцами пехоты на бугре пулемет, а там всего лишь была перекошена лента, — как справляться с этим, нас обучили еще в 9-м классе спецшколы. И многое, многое другое.

Но попробую вспомнить этот день более или менее по порядку. С рассветом фашисты начали артиллерийскую подготовку. Около часа огонь велся по нашему переднему краю, а затем был перенесен вглубь. Еще до начала артподготовки я начал осматривать вражеские позиции в стереотрубу. Вскоре рвущиеся снаряды заставили меня нырнуть в свою землянку, втянув туда и стереотрубу, лишь немного высунув ее наружу. Землянка, а точнее ровик с одним накатом, близкие разрывы, осколки, — выдержала. Как только немцы перенесли огонь вглубь, я направил своих связистов, чтобы восстановить связь с огневыми позициями. На НП пришлось разматывать целую катушку, настолько был иссечен провод. С огневыми связь была установлена довольно скоро, а с НП дивизиона, который находился левее нас, так и не удалось, так как на их участке фашисты сразу перешли Десну, и командиру дивизиона пришлось снять свой наблюдательный пункт. Мы начали вести огонь своей батареи. Наш полк находился на высоком берегу, а слева и справа от нас берег был сравнительно невысоким. Именно там фашисты переправились через Десну. Особенно хорошо просматривалась вся местность справа от нашего НП. Хорошо помню эти цепи фашистских солдат без шинелей, с закатанными по локоть рукавами френчей, с автоматами, прижатыми к бедру. Волна за волной переходили они вброд реку. Батарея выпустила почти все снаряды — около 450-ти. Осталось только по 6 снарядов на орудие — неприкосновенный запас. Фашисты продолжают продвигаться вперед. Справа наша пехота оказалась уже

несколько позади нас. На бугре находилось около взвода пехотинцев, и вскоре я увидел, как они начали отходить. До них было метров 350–400. Выхватив свой наган, я побежал туда. Добежал довольно быстро, удалось их остановить, организовать их возвращение на эту высотку, ведение огня по противнику, доставку патронов. Не помню, кто ими командовал. В моих руках заработал якобы неисправный «максим», точно не помню, но вроде всего-навсего перекосилась лента.

Вернулся на НП, с батареи сообщили, что подвезли еще снаряды. Продолжаем прицельный огонь, в основном по только что занятой фашистами деревне. С огневой позиции сообщают, что их обстреливают из пулеметов. Командир батареи приказал действовать самостоятельно. Слева и справа от нас фашисты продвинулись вперед. Судя по звукам стрельбы, они оказались уже довольно далеко позади нас.

Около 10.30 утра принимаем решение: отходить. Нас шло человек 8–9, кроме комбата и меня, разведчики и связисты. Я шел с винтовкой Каменецкого. В карманы плаща положил гранаты, так с ними и дошел через три недели с лишним до Москвы. Запалы положил в карманы гимнастерки.

Прошли менее двух километров и уже наткнулись на немцев. Несколько раз меняли направление, кружили долго. Один раз вышли на опушку леса в мелкий кустарник, в нескольких десятках метров — дорога. Заметили, что около нее лежит фашист с пулеметом. Скоро к нему подъехала черная машина, из нее вышел офицер, переговорил с пулеметчиком, и машина уехала. Подходим ближе. Я с винтовкой, патрон в патроннике. Подполз ближе, оставалось метров около семи. Комбат послал кого-то слева отвлечь. После моего выстрела быстро отошли. Лес быстро наполнился пулеметными и автоматными очередями. Мы несколько спустились в лощину, идем по ней, гус-

то заросшей кустарником. Пока опять не увидели группы фашистов. Здесь остановились, и комбат поручил мне вести нашу группу дальше. Я повел ее строго на север. Почти все время идем по лесу. Лес несколько раз прочесывался фашистами из пулеметов. Шли более двух часов, вышли на дорогу в знакомом месте, где раньше на поляне и вначале на опушке размещался тыл полка. Долго искали свою батарею, но не нашли. Нашли ее только на следующее утро.

Отступаем, несколько раз занимаем боевой порядок, но после непродолжительного стояния на месте, почти не вступая в бой, продолжаем отходить. Мне неоднократно поручалось устанавливать связь с полком, первым дивизионом, не проволочную, а живую — самому, с разведчиком. Большую часть времени в седле.

4 октября около 16–17 часов на дороге, по которой двигалась наша колонна, начали рваться снаряды. Орудия, повозки, люди сворачивают в лес вправо. Люди разбегаются, прячутся в ямах, канавах, воронках. Огонь вели два танка справа от дороги, с бугра в метрах семистах-восьмистах. Внезапно шестерка лошадей, впряженная в одно из орудий, сворачивает с дороги вправо и без ездовых на рысях пошла прямо на танки. Пройдя метров 300–350, лошади останавливаются, танки скрываются за бугром. Я поскакал к орудию. Взяв под уздцы одну из лошадей из первого уноса, я вернул орудие на дорогу, здесь посадил двоих ездовых из своих бойцов. Через некоторое время передал орудие хозяевам 4-й батареи.

В нескольких километрах впереди справа город Спас-Деменск, который немцы беспрерывно бомбят. Клубы черного дыма поднимаются очень высоко. Досталось и нашей колонне. К счастью, середина колонны, где находился и я, почти не пострадала. Впереди и позади было много убитых и раненых после налета группы фашистских самолетов. Вновь пришлось лежать, уткнувшись носом в

землю. Когда начало смеркаться, сосредоточились в березовой роще. Но и здесь от самолетов мы не ушли. Дело в том, что фашисты нанесли бомбовый удар по роще, а затем на очень низкой высоте несколько самолетов (хорошо были видны их желтые крылья с черными крестами) стали обстреливать нас из крупнокалиберных пулеметов. И вновь, уткнувшись носом в березу, пришлось пережидать этот обстрел.

Когда почти совсем стемнело, командир полка собрал средний командный состав. Он сказал, что мы почти в полном окружении; остался очень узкий выход. Но так как здесь очень много различных частей, подразделений, танков, артиллеристы должны остаться, чтобы помочь в обороне, а если нужно будет, и в прорыве. Командир первого дивизиона выводит свой дивизион. Позже я узнал, что дивизион вышел, не попав в окружение, им удалось прорваться через почти занятую врагом Вязьму.

Утром 5 октября, посланная разведка донесла, что кольцо окружения замкнулось. Лесной дорогой начали двигаться на восток. Когда вышли из леса, оказалось, что в колонне люди из разных частей и дивизий. Над нами показалась «кривая нога» — самолет-разведчик. Пришлось рассредоточиться, маскироваться. Фашистские бомбардировщики налетели очень быстро. Я с небольшой группой укрылся в лесу, но и здесь мы не могли скрыться от низко летевших самолетов с желтыми концами крыльев и крестами на них, от разрывных пуль, которыми эти самолеты поливали нас. Вновь уткнувшись носом в березку, пришлось лежать на земле.

Я лежал и твердил: только бы не ранило. С ранеными заниматься будет некому. Я уже видел до этого, как сами пытались сохранить себя, не обращая внимания на раненых. Не забыть никогда и то, как люди после бомбежки, обстрела закапывали в землю партийные, комсомольские билеты и другие документы, бросали оружие, срывали с

себя знаки различия и уходили. Но не на восток или север, а на юг, где уже были немцы.

Немного оправившись после бомбежки и обстрела, мы снова двинулись в путь, попытались свернуть с лесной дороги на просеку, но вскоре первое орудие застряло на пнях.

Стемнело... Слева и справа к тому месту, куда мы свернули, на просеку подъехали фашистские танки и бронемашины. И мы услышали не только гул моторов, но и голоса: «Рус, сдавайся!». Было довольно темно, луна еще не освещала нас. Я слез со своего конька, вынул из переметной сумы карты, сложил их в полевую сумку и противогаз. Со мной оказалось 12 бойцов нашей батареи и еще несколько человек из других частей, подразделений. Впереди группы с компасом на руке я двинулся на восток.

Забегая вперед, должен сказать, что эти 12 бойцов с оружием дошли со мной почти до Москвы, до Алабино, где их отдельно от меня стали допрашивать.

Когда примерно часа через полтора-два я остановил группу, оказалось, что в затылок за мной идет примерно человек 45–50. В течение нескольких дней группа иногда намного увеличивалась, а затем распадалась. Когда в конце октября я вышел на ближние подступы к Москве, со мной было только 12 бойцов нашей батареи. Лесные тропы, заброшенные дороги, болота, речушки, хутора, небольшие деревушки — многое было на нашем долгом пути на восток. Были дни, когда мы не встречали ни наших, ни немцев. Питались мы тем, что давали и подбирали. Были и сухари, и клюква, и сырое мясо, и овощи, подобранные на огородах. Иногда для нас варили картошку. С огромным удовольствием ели в мундирах эту пищу. До сих пор помню то удовольствие, которое я испытал, даже наслаждение, от маленького кусочка сахара, с которым выпил почти три стакана чая в одной избе ночью.

Вспоминается эпизод, когда мы уже подходили к Москве. Это было на окраине города Наро-Фоминск. На город

налетела группа бомбардировщиков. Я стоял, прислонившись к забору, и считал, сколько бомб сбросит один бомбардировщик. Насчитал 18 маленьких и 1 большую.

Через несколько дней на сборном пункте в Алабино бойцов отделили от меня, и я их больше не видел. От меня потребовали сдать все оружие. Я отдал винтовку, патроны, гранаты; наган — отказался. Тогда в комнату, где меня допрашивали люди с двумя-тремя шпалами, вызвали подкрепление. Входят трое и силой хотят взять наган. Я отвернулся, вынул его и сдал. Допросы, объяснительные записки, «чем вы докажите, что вы лейтенант такой-то, что вы кончали такое-то училище, как вы говорите». А чем я мог доказать?! Никаких документов ни в училище, ни после нам не давали! Единственный документ, который у меня сохранился, — это в левом нагрудном кармане гимнастерки комсомольский билет, естественно, с фотокарточкой. Переправили в Кунцево-Усово, где был резерв командного состава фронта. Снова допросы... Наконец, в ночь с 27 на 28 октября один из допрашивавших задает вопрос: «Воевать хотите?» «Естественно», — был мой ответ. «Подождите в другой комнате». Через некоторое время меня вызывают, дают направление, старшим группы из трех человек, для того, чтобы мы явились к командиру 1-й Гвардейской мотострелковой дивизии. Довольно часто вспоминаю эти слова: «не защищать Родину, страну», а «воевать хотите?»

Ехали через Москву, где провели несколько часов и даже успели побывать в кинотеатре! С Киевского вокзала доехали до Рассудово, затем рабочим поездом до Пекасово. Здесь недалеко, в небольшой деревушке Новофедоровке, нашли командира дивизии полковника Висюкова. Высокий, полный полковник танковых войск встретил нас приветливо. Я доложил ему и вручил наши направления. Тут же был и комиссар дивизии. Комиссар напом-

нил, что дивизия — гвардейская и т. д., и т. п. Нас направили к начальнику артиллерии дивизии подполковнику Холодному.

После подробных вопросов: какое училище закончили, когда, где и кем воевал, нас двоих — меня и лейтенанта Туржанкского — направили в 557-й артиллерийский полк. Как нам сказали, этот полк, сформированный в Подольске, только что прибыл в Наро-Фоминск, по пути потеряв нескольких командиров. Начальник штаба 557-го пушечного артиллерийского полка старший лейтенант Клюев встретил нас дружелюбно. Немного расспросив, дал направления, спросив наше желание: кем хотите быть непосредственно в батарее. Это было 29 октября 1941 года. Так я оказался в 557-м артполку. И в этом полку я провоевал до 9 мая 45 года.

Я был назначен командиром взвода управления 6-й батареи. Командиром батареи утром этого дня стал лейтенант Борис Лукьянов. Он ленинградец, окончил спецартшколу и 3-е ЛАУ. Ехали мы с ним в одном эшелоне в Москву, но его, как и многих других, направили в формирующиеся части в августе. Он получил назначение в создаваемый в Подольске 557 артполк. Знакомлюсь с бойцами, наличием средств связи, приборов, местностью. НП находился на окраине Наро-Фоминска на крыше барака на территории овощехранилища. Через день мне выдали пистолет раненого в день нашего прибытия рано утром командира батареи.

Вот в одной из комнат барака, где мы помещались (кстати, в этих бараках жило и гражданское население, немного, но были старики, женщины, дети), я решил проверить, как работает спусковой крючок у пистолета: туго или легко, слабо или нормально. Вынул магазин с патронами, пересчитал, в обойме оказались все положенные 8 патронов. Не вставляя магазин в ручку пистолета, я, нацелив пистолет на пол, нажал спусковой крючок. Раздался выс-

трел, пуля попала в нескольких сантиметрах от моей ноги в половицу. Тут же перед моими ногами стояли противотанковые гранаты, которые мы только что получили. В патроннике оказался 9-й патрон.

Питались хорошо, к основному, приготовленному в полевой кухне на огневых позициях, добавляли картофель, который варили в бараке, соленые огурцы, грибы.

На третий день моего появления в батарее поступил приказ: направить командира взвода управления в разведку. В последующие несколько дней ходил трижды. Требовалось уточнить передний край противника, как он охраняется, и, если удастся, разведать и некоторые огневые точки. Ходил в разведку с Максичевым. Максичев — политбоец. Ему около 40 лет. Человек с большим партийным стажем. Исполнительный, спокойный, надежный. Невысокого роста, сухощавый. Насколько помню, он единственный политбоец в батарее. Воинского звания у него не было, но в петлице было 4 треугольника. У него единственного была СВТ — самозарядная винтовка Токарева.

В перерывах между боями много общался с командирами и бойцами. Запомнился лейтенант Марков. Он успел повоевать в 45-мм батарее. Довольно хорошо играл в шахматы, и я получал удовольствие, даже проигрывая ему. Уже после нескольких ходов он любил говорить, перефразируя немецкие листовки: «Сдавайся, обещаю хорошее обращение, питание и после окончания военных действий возвращение домой». Обсуждали и опыт пехотных командиров. Припоминаю такой анекдот: «Стрелковый полк получил радиостанцию 6-ПК. Командир полка говорит: «3 ПК в батальоны, по одной в арт и минометные батареи, а одну оставь при штабе».

Получали довольно много писем из тыла, их раздавали бойцам и командирам. У некоторых завязалась переписка. Вспоминается и такой курьезный случай: читаем вслух письмо от одной девушки, где она рассказывает о

себе и среди прочего говорит: «упитанность немного выше средней».

Примерно через три недели после прибытия в полк, я был назначен начальником связи дивизиона, который одновременно являлся и командиром взвода управления дивизиона.

Запомнились некоторые события, выходящие из обычных, рядовых, повседневных.

На окраине Наро-Фоминска стояло 6 или 7 огромных стогов сена, длина их была около 20-ти метров, может быть, немножко меньше, высота примерно 10–12 метров. На одном из этих стогов был сделан наблюдательный пункт. А за стогом мы соорудили себе жилище. Выкопали землю на 2 штыка, а затем из находившихся поблизости кип прессованного сена — а это были кубы, каждая сторона которого составляла сантиметров 80–90, они были обвязаны металлической лентой, — вот из них мы и сделали себе фактически жилье, проложив их с трех сторон три ряда, кипа на кипу, а сверху на доски— также кипы прессованного сена. Вход в наш дом между стогом сена и кубами этого прессованного сена закрывало одеяло плащ-палатка. В середине поставили ведро, в котором жгли щепки и мелкие деревянные кусочки. Для того чтобы наблюдать за этим ведром, был выделен постоянный дежурный, дежурные, естественно, менялись.

Однажды, возвращаясь с огневой позиции по линии связи, которую проверял, в направлении наших стогов, я увидел большое пламя. Подумал о нашем НП и стоге сена, так и оказалось: дежурный заснул, ведро, вероятно, перекалилось, а может быть, и опрокинулось, так и не выяснили в чем дело. И огонь охватил сено, сначала эти кипы, а затем и сам стог. Здесь сгорели наши вещи. Стог горел почти трое суток.

1 декабря фашистские войска прорвали нашу оборону на участке 110-й ополченческой дивизии. И по Киевскому

шоссе двинулись к Москве. Им удалось пройти километров 30, а может быть и 35–37. Позже этот участок прикрыл один батальон Первой гвардейской мотострелковой дивизии.

Наши НП — наблюдательные пункты — находились в Наро-Фоминске, а огневые позиции за Киевским шоссе в лесу. Наша проводная связь проходила через шоссе, (радиостанции тогда в полку не было), провод был подвешен на шестах или прямо на ветки деревьев, где они были близко к шоссе. Немецкие войска нарушили эту связь. Нужно было ее восстанавливать. Я проверил местность, поближе к мосту, в низине. Принято было решение, попытаться ночью перекопать шоссе, которое имело гравийное покрытие.

Ночь была морозная ясная, ярко светила луна. Немецкие машины, бронемашины очень редко ездили в то время по этому шоссе, и удалось перекопать, но до огневых позиций дотянуть не смогли, т. к. часть провода в обход вели, не хватило примерно 400–500 метров. Я сразу направился на огневые позиции первого дивизиона. Там старший в дивизионе тогда был лейтенант Стольников Борис. Я обратился к нему с просьбой, дать временно взаймы одну катушку. Он наотрез отказал. Катушки были металлические и деревянные, на каждой примерно 500 м, иногда немного больше, телефонного кабеля. В 1970 или 1971 году 9 мая мы встретились у Большого театра, где впервые появился генерал-лейтенант артиллерии Борис Стольников. После посещения могилы Неизвестного солдата поехали на квартиру арт. техника первого дивизиона Миши Сонкина, за столом вспоминали и Наро-Фоминск. Я напомнил Стольникову эпизод в ночь с 1 на 2 декабря 1941 года с катушкой связи. Борис даже немного взорвался и сказал: «Что вы, черти, мне все плохое вспоминаете? Разве я мало хорошего сделал?» Позже, когда я был у него дома, в большой комнате увидел

две фотографии: Стольников с Хошимином и Стольников с Фиделем Кастро.

Пока добывали эту связь, чтобы размотать почти целую катушку, прошло достаточно много времени, но к утру связь между наблюдательными пунктами нашего дивизиона и огневыми позициями была восстановлена.

5–6 декабря началось контрнаступление наших войск под Москвой. Но на нашем участке — тишина. Мы стоим на месте, изредка постреливаем. Так простояли не только весь декабрь, но и до 11 января.

Но остановлюсь еще на одном эпизоде. Расскажу, что произошло в ночь под Новый год. Линия фронта проходила по реке Нара, меньшая, западная, часть города была занята фашистами. И вот 31-го декабря за несколько часов до 24–00 все орудия полка произвели огневой налет, дали несколько залпов. Немцы, сидевшие за празднично накрытыми столами, бросились бежать из города. Кстати, стреляли мы не прицельно, а в «белый свет». Вошли в дома, где только что сидели фашисты и, несмотря на многократные предупреждения, что пища, оставленная врагом, может быть отравлена, мы от нее не отказались. Тогда же командир Первого дивизиона Алексей Матвеев вместе с разведчиками водрузил красный флаг на крыше фабрики.

Прежде чем рассказывать о некоторых событиях 1942-го года, вернусь немного назад, к одному из наиболее ярких воспоминаний о войне — прокладке телефонного кабеля, провода через Киевское шоссе в ночь с 1-го на 2-е декабря. В журнале боевых действий полка за 2-е декабря есть следующая запись: «Группа бойцов во главе с начальником связи 2-го дивизиона, лейтенантом Сальман, проложила новую линию связи севернее урочища Архангельское, с НП — наблюдательных пунктов — на огневые позиции через Киевское шоссе. (Архив Министерства обороны СССР, опись 126 дело 176, страница 3)».

Первого декабря фашисты предприняли новую попытку наступления на Москву на нашем участке. Им удалось прорвать оборону 110-й стрелковой дивизии, захватить несколько населенных пунктов и овладеть Киевским шоссе, по которому танки, мотопехота продвинулись на несколько десятков километров к Москве. Киевское шоссе, где проходили наши линии связи в районе урочища Архангельское, оказались в руках врага. Наши НП, которые в основном находились в городе Наро-Фоминске, и огневые позиции, которые находились в лесу, оказались между собой не связанными. Проволочная телефонная связь НП с ОП прекратилась на несколько часов. Направленные на линию связисты и с НП, и с ОП вступили в бой с противником. После многочасового боя, а дважды мы направляли мелкие группы и с НП, и с ОП на помощь передовым связистам, противник отступил из урочища Архангельское, но сохранил за собой контроль над Киевским шоссе. Связь прокладывали ночью. Вместо двух линий, т. к. расстояние увеличивалось и пришлось двигаться в обход, решил пока провести одну линию. Ночь была морозная лунная — для противника это было хорошо. Но когда нам пришлось окапывать, делать две канавки в гравийном покрытии шоссе, да еще несколько раз прерывать работу, поскольку по шоссе на большой скорости проносились вражеские бронемашины, это замедляло прокладку связи. Задолго до рассвета связь наблюдательных пунктов и огневых позиций была восстановлена.

Наконец-то и мы 11 января 1942 года двинулись на запад. Холодно, ночью мороз не менее 30°. Фашисты, отступая, сжигают не только все дома, сараи, но и заборы. И первые дни наступления мы отогревались у костров, которые состояли из тряпок, поливаемых соляркой. Скоро подгорелых валенок, шинелей, шапок становится все больше и больше. Иногда удавалось немного полежать у этих костров, но тогда один бок отогревался, другой быс-

тро замерзал. Через несколько дней установили значительный, ну не очень большой, но все-таки хороший фургон на полозьях. Полозья изготовили сами бойцы из деревьев. Внутри была установлена самодельная печка, и по очереди все отогревались. Двигались медленно. Глубокий снег. И все, что могло ехать, идти, продвигалось по одной дороге. Встречного движения не было. Несколько дней фургон выручал нас, но надо же было так случиться, что по дороге, по которой прошли десятки тракторов, орудий, машин, под одним из полозьев нашего домика взорвалась немецкая противотанковая мина.

В одну из ночей мне пришлось возвращаться к оставленному для мелкого ремонта трактору. Был довольно сильный мороз. Недалеко от трактора с орудием оставалась машина ЗИС-5 (трехтонка). Вышедший из кабины командир осветил меня фонариком и вдруг говорит: «Здравствуй, лейтенант». Он напомнил мне, что в октябре присоединился к моей группе, выходившей из окружения. Тогда, кажется, у него было три треугольника (помкомвзвода). Оказалось, что сейчас он заместитель начпрода стрелкового полка. Увидев, что я основательно замерз, он налил из бидона, стоявшего в машине, жестяную кружку водки и топором отрубил от буханки кусок хлеба. Выпив содержимое и оторвав кружку с частью кожи губ, я стал сосать хлеб. Немного согрелся и дрожь прекратилась.

Боевой порядок занимаем редко. Двигаемся в направлении города Вязьма. Проехали разъезд Износки и вскоре узнали, что проход не очень широкий. Чуть ли не менее 10 километров. Слева и справа противник, а затем и этот коридор был перекрыт немцами. Мы остановились недалеко от разъезда Угрюмово. Здесь в течение нескольких недель, а не дней, именно недель, пытались прорвать немецкую оборону, чтобы соединиться с нашими войсками, которые прошли вперед к Вязьме. Сюда прибывали одна за другой дивизии, в основном, из Средней Азии. Их сразу

бросали в бой, и тысячи людей здесь погибли, так и не прорвав вражескую оборону.

Некоторое время спустя мы узнали, что среди частей, прорывавшихся к Вязьме, был и командующий нашей 33-ей армией генерал-лейтенант Ефремов, который геройски погиб.

Мы заняли огневые позиции возле деревни Агафьено. И здесь 1 марта 1942 года я получил открытку из Ленинграда, в которой мама сообщала, что 26 января умер папа. Здесь я впервые в жизни много раз слушал токование глухарей. Но здесь же, когда наступила распутица, ни один автомобиль не мог проехать. Их тянули трактора, иногда вырывая передок. Машины должны были доставлять не только снаряды, горючее, но и продовольствие.

Были дни, когда с У-2 нам с утра сбрасывали в мешках бумажных сухари, их выдавали несколько штук на день, а из крошек варили суп. Чтобы не допустить цинги, из молодых побегов ели стали делать отвар. Перед раздачей еды старшина, командиры следили, чтобы каждый выпивал кружку этого отвара.

Когда снег стал стаивать, обнажились многие и многие сотни трупов, и нас отвели на несколько километров. А специальные команды убирали и зарывали в землю трупы погибших.

Так как одежда не снималась неделями и даже месяцами, стали приезжать специальные машины. И мы на морозе, на снегу раздевались догола, нам выдавали новое чистое нижнее белье, а мы ждали, когда прожарят, продезинфицируют наши брюки, гимнастерки, шинели, шапки. Как следует мыться в эти месяцы доводилось очень редко. Чаще делалось так: в бочке нагревалась вода, иногда растаивали снег. И затем старшина выдавал каждому по каске этой не очень горячей воды.

1943–44 год

Весной 1943 года многие бойцы оказались разутыми. В валенках ходить было уже нельзя — очень много воды, а сапог почти не было. Мы очень обрадовались, когда привезли американские ботинки. Красные высокие на толстой подошве около 2-х см. Но радость была непродолжительной. При первой же сушке у огня они стали разваливаться. На подошве был очень тонкий слой кожи, а остальное — картон. И бойцы вновь оказались без обуви. С огромнейшим трудом удалось раздобыть и в полку, и в других частях понемногу разных ботинок с обмотками, сапог, и кое-как одеть бойцов.

В 1943 году за успешное участие в боевых действиях при форсировании Днепра полк был удостоен наименования Верхнеднепровский.

В августе 1943 года без вывода из боя полк был переформирован. Дивизионы были ликвидированы. Полк теперь состоял из 4-х орудийных батарей. В полк прибыла звукобатарея во главе с капитаном Юрием Казимировым. Командовать полком стал вновь прибывший подполковник Макарьев Василий Никитович.

С 12 октября 1943 года полк поддерживает наступление Первой польской дивизии имени Тадеуша Костюшко у местечка Ленино. В первый день наступления удалось занять небольшой плацдарм примерно 1,5 на 1,5 км. Фашисты,

перебросив резервы, остановили наступление польской дивизии. Весь участок фронта был засыпан листовками на польском и русском языках с угрозами в адрес Первой польской дивизии. И, действительно, не только мощный артиллерийский и минометный огонь фашистских батарей, но и беспрерывные бомбежки с рассвета и до наступления темноты нанесли большой урон польской дивизии. Сотни самолетов, образуя карусели, налетали в таком количестве, какого я не видел с 1941 года.

И здесь я проявил мальчишество. Незадолго до этих событий на батарею доставили бризантные взрыватели. Я решил попробовать одним орудием попасть в гущу вражеских самолетов. У меня не было прибора для определения расстояния до вражеских самолетов, я очень надеялся, что хоть какие-нибудь осколки моих снарядов задевали врага. Хотя видел, как наши зенитки сбивали вражеские юнкерсы.

В середине октября наше наступление перед Оршей было остановлено. Быстро стали закапываться. Первая линия наших окопов находилась в нескольких десятках метрах от фашистских. И когда с нашей стороны летел тяжелый реактивный снаряд «Андрюша», который хорошо был виден и нам, и фашистам, — часто он летел с обрешеткой, — фашисты кричали: «Рус! Кончай сараями бросаться!». Батарее было дано задание вести огонь по вражеской переправе через Днепр у местечка Дубровно. Вероятно, мы основательно мешали противнику, хотя огонь велся не прицельно. Дальность около 18 км. Стреляли мы в течение суток, не в определенное время. Иногда всей батареей, иногда одним орудием. И очень мешали, конечно, врагу. Две ночи подряд фашисты пытались уничтожить нашу батарею. Около часу ночи на огневые позиции обрушились десятки фашистских снарядов.

Я вместе с бойцом Селивёрстовым и командиром огневого взвода лейтенантом Тебиным лежал в так называе-

мой землянке. Место было очень низкое, и углубление в земле было сделано всего на два штыка, примерно 40–45 см. Сверху накрыто плащ-палаткой. Огонь вели стопяти- и стопятидесятимиллиметровые вражеские батареи. Близко разорвался 105-ти миллиметровый осколочный снаряд, который оглушил нас. А вслед за ним прилетел 150-ти миллиметровый фугасный, полет, которого мы не услышали. Он разорвался между нашей землянкой и небольшим ровиком связистов. Этот снаряд оглушил и нас и связистов. Когда я очнулся и освободил голову и одну руку, то проверил, живы ли Селивёрстов и Тебин.

(В день, когда я вернулся из госпиталя в полк, 7 января 1945 года Павел Осипович Тебин погиб. Он возвращался из штаба полка, получив таблицы огня для готовившегося наступления. Его осколком смертельно ранило в живот. Два часа его могучий организм боролся со смертью, но выжить он не смог. В Москве у него остались жена и четырехлетняя дочь, фотографию которой он только что нам показывал.)

Селивёрстов ответил, что все в порядке, а Тебин отвечал очень тихо, слабо. Мне удалось освободить вторую руку и большую часть туловища от земли. Я сгреб часть земли с груди Тебина, Селивёрстов освободился сам. Я приказал ему помочь Тебину, а сам, взяв находившийся в изголовье фонарик, выбрался из-под остатков плащ-палатки наружу. Осветив фонарем ровик связистов, я увидел торчащие из земли две головы. Тут же приказал командиру орудия Опрышко. взять двух бойцов, лопаты и откапывать срочно связистов. Первыми откопали тех, у кого головы были снаружи — Захарова, Ланцева. Стали копать дальше. Затем показалась голова Попова, потом — Новикова. Попов в двух шинелях, прижатый к углу ровика, не дышал. Пытались сделать искусственное дыхание, затем приложили зеркальце ко рту, Попов был уже мертв. Его задушило, и способствовало этому то, что

он кроме ватника надел еще две шинели — холодно было в этом ровике. Новиков был жив, но к спине его оказалась прижата самодельная раскаленная печка, которая прожгла шинель и другую одежду. С сильным ожогом его вскоре отправили в санчасть.

Вражеские снаряды еще продолжали рваться в районе батареи, и один из них попал в нишу, где были сложены гильзы. Часть гильз разбросало, а некоторые из них были пробиты осколками, и порох внутри них загорелся, гильзы начали разрываться. Снаряды были сложены в другой нише — это было не опасно — но рвавшиеся гильзы и вырывавшийся огонь, вылетавшие куски трубочек пороха, могли все вокруг уничтожить. Я с одним из бойцов бросился к этой нише, и мы стали из нее выбрасывать горевшие гильзы.

Утром, проверяя орудия, я обнаружил повреждения у станин и у прицельных устройств двух орудий. Позже, во время раздачи завтрака, прилетел еще один вражеский снаряд, который разорвался в нескольких метрах от кухни. Прямым попаданием был убит Толкачев. Останки его, которые удалось собрать, мы похоронили в снарядном ящике там же, где перед этим только что начали закапывать Попова, на огневых позициях, где мы стояли.

В начале декабря полк был отведен в тыл километров на 40–50 для ремонта орудий, тракторов и другой техники, для пополнения личного состава полка и боевой учебы. Мы назвали это отдыхом, простояли в этом лесу около 4-х месяцев. Место это было около деревни Варечки в районе станции Гусино. Делаем срубы, ставим дома. Здесь рядовой боец с моей батареи Алексей Тимофеевич Чубуков, 1898 года рождения, учил меня затесывать бревна. Учились все, и офицеры, и младший командный состав, и рядовые. Я отвечал за учебу командиров орудий всего полка.

31 декабря в большом доме, построенном для сбора командного состава полка, почти в мирной обстановке, встретили новый 1944-й год. Прослушали по радио речь Михаила Ивановича Калинина, выпили за Новый год, поздравили друг друга и выразили надежду, что в этом новом 1944-м году мы разгромим Германию. После застолья песни, танцы. Разошлись поздно, кто в 2, кто в 3, а кто и позже ночью.

44-й год начался для меня отпуском в Москву, чему предшествовал следующий эпизод. В ночь на 1 января я впервые выпил столько, что не запомнил своих поступков. Как мне рассказали утром, я подошел к жене заместителя командира полка Кате и обнял ее. Майор Леммени-Македони с Катей (его женой) прибыл в наш полк немногим более месяца назад. Он, выхватив пистолет, бросился ко мне, я выхватил свой. Нас схватили за руки, развели, а меня отвели в мой дом и сдали ординарцу, Командир полка видел эту сцену. И вот около 8 утра 1 января 44 года меня будит ординарец и говорит: «Срочно вызывает батька». Я вскочил, немного растер лицо снегом, оделся и — бегом к командиру полка. Тот, не упоминая о ночном происшествии, сказал коротко: «Через два часа в Москву пойдет полуторка. Даю отпуск на 8 дней. Оденься потеплее, поедешь в кузове». Так он развел меня и майора.

Ехали на открытой машине полуторке почти 500 километров. Когда командир полка вызвал меня и сказал, что поедешь в отпуск в Москву, один из вопросов, вставших передо мной был — деньги. Кроме аттестата я высылал маме переводом и все остававшееся. Пришлось обратиться к товарищам, и они меня выручили. Набрал в долг, с которым потом рассчитывался несколько месяцев. Кстати, у меня до сих пор хранится одна из записных книжек, где записано, у кого, сколько я брал. В Москве посмотрел и послушал в Большом театре «Сказку о царе Салтане», в филиале Большого: «Евгений Онегин», «Риголетто»,

«Севильский цирюльник», «Тоска»; во МХАТе — «Русские люди». Побывал в кино, посмотрел фильм «Фронт» и другие. С удовольствием сходил в цирк.

Вернувшись из Москвы, продолжаю заниматься боевой подготовкой: тренирую командиров орудий, наводчиков, разведчиков, связистов. В апреле полк перебрасывается к Витебску в район Лиозно. Здесь я впервые не только услышал, но и увидел разрывы немецких четырехсотпятимиллиметровых снарядов.

В связи с начавшейся подготовкой к большому летнему наступлению нас перебрасывают на южный участок нашего фронта в район Рославля. Занимаем боевой порядок, окапываемся, ведем пристрелку. За несколько дней до наступления нам выдали таблицы огня с точным указанием целей. На каждую нашу батарею две фашистских, которые мы обязывались подавить. Все командиры батарей дают расписки, где были указаны номера целей, их координаты, и что мы обязуемся в ходе артиллерийской подготовки и наступления наших частей их подавить. Моя батарея, и наблюдательный пункт, и огневые позиции находились на правом фланге нашего участка наступления. Когда на нашем участке 22-го июня началось наступление, все время артиллерийской подготовки батарея вела огонь по указанным нам целям. Пехота и танки стали продвигаться вперед, и в это время справа от меня во фланг наступавшим стала бить шестиорудийная немецкая батарея. Вспышки от выстрелов и даже дым мне были хорошо видны. На участке, где была эта фашистская батарея, наши не наступали. Я сообщил о сложившейся обстановке командиру полка и попросил разрешения развернуть свою батарею. На огневой позиции быстро развернули орудия вправо. Я дал два пристрелочных залпа всеми четырьмя орудиями. А затем огневой налет из 60-ти снарядов. Вражеская батарея замолчала. Я продолжал методический огонь одним орудием по данным

ранее мне целям — двум вражеским батареям. Но стоявшая справа фашистская батарея вскоре вновь заговорила двумя или тремя орудиями. Опять по ней огневой налет из 60-ти снарядов, и когда через некоторое время от этой батареи стало стрелять только одно орудие, я дал налет в 40 снарядов, и больше оттуда уже не стреляли.

Через два дня, когда мы уже значительно продвинулись вперед, официальная комиссия с участием представителя нашего полка рассматривала, как были подавленны цели, порученные нашему полку. Комиссия оценила нашу работу как вполне удовлетворительную, особо отметив уничтожение батареи, не входившей в таблицу огня, но обнаруженную в ходе боя на нашем правом фланге. Наш представитель сказал мне, что он видел развороченные стопятимиллиметровые орудия и многочисленные трупы.

Примерно через неделю после начала наступления командир полка сообщил, что хочет побывать на моем наблюдательном пункте. Я с разведчиком направился его встречать. И тут вспомнил о разговоре, который состоялся у меня недели 2–3 до этого дня с Данилой Тихоновичем Поповым. Несмотря на большую разницу в возрасте (он родился в 1902 году), мы с конца 1941 года подружились. Тогда он был командиром автовзвода, к июню 1944 года он стал помощником командира полка по технической части. Иногда он мне помогал в убыстрении ремонта автомашин, тракторов. Так вот при очередной встрече он рассказал, что в одной из бесед с командиром полка тот, говоря обо мне, сказал, что я еврей и не струшу ли в бою. Итак, идя встречать «батьку», я вспомнил о сказанном мне Поповым. Я повел его на свой НП почти по открытой местности с небольшими холмиками и мелким кустарником. Фашисты простреливали эти места из пулеметов и даже из автоматов. Мне и голову тогда не приходило, что свистящие мимо нас пули могут попасть и в меня.

Местами приходилось ползти, а грузный подполковник полз с трудом. Он матерился, но, побыв некоторое время на моем НП, успокоился. Обратно я отправил его с разведчиком по более закрытой местности, хотя для этого пришлось сделать большой круг. Командир полка казался мне пожилым человеком, хотя, как я узнал много позже, он был всего на 10 лет меня старше.

С боями, форсируя реки, отбивая контратаки, успешно продвигаемся на запад. Во время одной вражеской контратаки, поддерживаемой девятью самоходками и танками, мне удалось подбить одну самоходную артиллерийскую установку, которая осталась на небольшой высотке, а остальные танки и самоходки скрылись за этим бугром. В наступившее временное затишье я попробовал попасть в подбитую самоходку. За всю войну я могу вспомнить несколько случаев, когда я себя вел как мальчишка. И это был один из них. Приказал на батарее подобрать гильзы с одной маркой пороха, снаряды одного веса. На всех снарядах были знаки: плюсы или минусы, 1, 2, 3 . Одним орудием стал стрелять, но попасть так и не удалось. От батареи до вражеской самоходки было около 6-ти километров, а допустимое рассеивание на этом расстоянии, составляло не менее 10-ти метров.

Довольно успешно продвигаемся на запад. Часто меняем боевой порядок. А иногда даже по несколько часов двигаемся, не разворачиваясь. 2 июля утром получил приказ нанести удар по колонне противника, переправлявшейся через Березину. Командующий артиллерией корпуса отметил хорошую стрельбу. Он видел 6 прямых попаданий в колонну.

Под вечер получил приказ сменить боевой порядок. Я выехал вперед выбирать огневые позиции. По дороге встретил Колодкина (первый помощник начальника штаба полка) который на машине с топографическим взводом ехал также выбирать огневые позиции для других

батарей. Огневые позиции надо было расположить перед Березиной в районе деревни Новосёлки. Выбрали ОП. И вскоре встретили штабную машину с начальником штаба полка Борисовым и командиром огневого взвода 4-ой батареи Носковым. Колодкин пошел показывать Носкову место огневой позиции, а я остался на дороге у опушки леса. В нескольких десятках метров штабная машина, там же была и группа моих разведчиков. Уже стемнело. Неожиданно из леса на дорогу выехала повозка, на ней ехал один человек. Я придвинулся и окликнул: «Кто едет?» Отвечает: «Свои». И как раз повозка поравнялась со мной. Я увидел, что человек на повозке в немецкой форме, на рукаве угольник обер-ефрейтора. Я его схватил за руку, остановил и снял с повозки. Тут подбежали все, кто был близко, я передал его разведчикам, которые проверили, нет ли у него еще оружия. Из леса послышались звуки движения. Этот немец (точнее — румын) также по-русски сказал, что тут еще много людей пытаются выйти из намечавшегося окружения, переправиться через Березину. Я с разведчиками и этим румынским немцем подошел к штабной машине, где собралось уже довольно много народу, сдал румына и обратился к своим и штабным: «Кто идет со мной?» Побежал к лесу, за мной еще двое. На пути встретил Колодкина, быстро рассказал в чем дело. Я с Колодкиным побежали наперерез вперед, двое последовали за нами. Мы подбежали и встали за деревьями. Вскоре стали подходить немцы. Колодкин хотел стрелять, но я его остановил. Фашисты шли гуськом, они проходили примерно в 4-х, максимум в 5-ти метрах от нас. Я стою за одним деревом с пистолетом в руке, Колодкин за другим, в одной руке у него пистолет, в другой маузер. Так простояли, пока они не прошли, а прошло их не менее сотни. Сразу же побежали назад за людьми. К штабной машине подъехали другие — собралось человек 50. Взяли людей и на угол леса наперерез бегом.

Перед лесом во ржи, а, может быть, в ячмене — все остановились. Я вышел на опушку, за мной еще кто-то, слева Колодкин и с ним 1 или 2 человека. Остальные залегли во ржи. Минуты две мы все, и лежавшие во ржи, и стоявшие на опушке леса, вели огонь в глубь леса. Затем я поднял всех, и по ржи пошли обратно. Вскоре заметил, что из леса по небольшой проселочной дороге по направлению к деревне идет группа людей, и с ними несколько повозок. Я сразу же направил половину людей в обход по опушке леса, окликнул идущих по дороге людей, они не ответили. Тогда, увидев, что они молча ложатся, мы залегли и открыли огонь по ним. Затем, полежав минуты 2–3, мы поднялись и с криком: «Ура» бросились к дороге. Они — врассыпную. Но тут уже стрелять было нельзя. Я подбежал к одному немцу, который привстав, перезаряжал винтовку. Наступив ногой на винтовку и направив на фашиста пистолет, я поднял его, передал бойцам, а сам побежал дальше. Вскоре все стали собираться.

За этот бой и за то, что при прорыве оборонительной линии противника на реке Бася, где было подавлено 4 батареи, я был представлен к ордену Отечественной войны 2-й степени.

Переправившись через Березину, мы довольно быстро продвигаемся на запад. Много километров проехали по Минскому шоссе, едем через окруженную группировку. Небольшие группы, сдающиеся в плен, разоружаем и отправляем без охраны на восток.

Но случалось и такое. Двигаемся по дороге походным порядком. Вправо, километрах в полутора небольшая речка, перед ней роща, а от дороги до этой рощи чистое поле. И вот около 13 часов из этой рощи высыпала на поле огромная толпа немцев, не менее 1000 человек, а может быть, и больше. С криками, стреляя из ручных пулеметов, они бежали к дороге. Орудия, на приведение которых из походного в боевое положение требовалось не менее

семи минут официально, были развернуты за очень быстрое время— не более двух минут. Станковые и ручные пулеметы, бывшие на батарее и положенные по штату, и дополнительные, сразу открыли огонь. А вскоре и орудия начали вести беглый огонь осколочными снарядами. Преодолев примерно половину пути до дороги, фашисты, оставив десятки трупов, отступили назад в рощу. Небольшие группы немцев, сдающихся в плен, продолжают попадаться на нашем пути. Иногда и большие, конвоируемые нашими солдатами.

За Неманом, который мы форсировали дважды, так как он извивался, форсировали вброд, стали попадаться партизаны. В районе Новогрудок — Слоним между 8 и 11 июля встретил два еврейских партизанских отряда. Один при выходе их на дорогу, второй — в лесу, еще стоявший лагерем. Здесь были целые семьи с детьми, со стариками. Кто-то из них попробовал заговорить со мною на идиш. Но меня не учили этому языку, я слышал только иногда разговоры между собой родителей тогда, когда они хотели, чтобы их не понимали мы — дети.

В лесу попадались трактора, оставленные нашими войсками в 1941 году, и трактористы очень радовались, когда я разрешал остановку, чтобы они могли снять отдельные детали, части с этих тракторов, особенно дизельных.

13 июля, когда я ехал впереди колонны на лошади, прилетел У-2, и что-то сбросил. Оказалась ракетница с привязанным куском обивки, на которой карандашом было нацарапано: северо-восточнее деревни во ржи группа немцев.

Едем к Волковыску в район местечка Зельва, где в лесу собирается весь наш полк. 517-й, 41-й и другие артиллерийские части. Движемся к Белостоку. 24-го я выехал вперед, занял наблюдательный пункт в деревне, но ночью фашисты зажигательными подожгли два сарая, а ветер стал переносить огонь на дома. Я приказал по одному

покидать деревню, сам вышел последним. НП — наблюдательный пункт — занял справа, недалеко на бугре. Запомнилось это зрелище: горят дома, рвутся снаряды, бегают мирные жители, лошади, коровы, овцы, гуси, свиньи.

24-го, 25-го и 26-го идут бои на подступах к Белостоку и в самом городе. К исходу дня 26-го город был очищен от фашистов. 27-го командир полка приказал мне проверить результаты нашей стрельбы по батареям противника и складу в самом городе. Проверил, вернулся, доложил. Когда был в городе, немного поездил, посмотрел, узнал, где рядом находится аэродром. Вечером в штабе слушаем приказ Верховного главнокомандующего о взятии Белостока. В частности, в приказе говорилось, что в бою отличились артиллеристы подполковника Макарьева. Всему личному составу полка приказом Верховного объявлена благодарность, вручены специальные листки. Последовало распоряжение — в батареях и других подразделениях полка провести митинги.

При очередной смене боевого порядка я заехал на аэродром, постоял две минуты, вспоминал своего старшего брата Мишу, который, по всей вероятности, служил на этом аэродроме, и от которого с первого дня войны, с 22 июня, так и не было ничего.

Продвигаясь на запад, наши части заняли ряд плацдармов на левом берегу реки Нарев. Пехоты было очень-очень мало, в некоторых полках оставалась буквально сотня бойцов. На один из таких плацдармов на командный пункт командира стрелкового полка был направлен и я. Основная задача, как подчеркнул командир моего полка, контрбатарейная борьба. Этот плацдарм представлял собой небольшую, состоявшую из песка высотку, с трех сторон окруженную врагом, четвертая — река Нарев. Через Нарев ночью нам доставляли питье и еду. Прямой связи с огневыми позициями у меня не было, данные о целях по рации я передавал в штаб полка, а уже оттуда

по телефону на батарею. Фашисты неоднократно пытались сбросить нас в Нарев. У меня убило радиста, разведчика Ольшанского, санинструктора Прошина. Ранило разведчика Володю Курского, он был взят нами как сын полка в 41-м году в Наро-Фоминске. Во время одной из атак противника на нашу высотку вражескую пехоту поддерживало более десятка танков и самоходок. Остатки нашей пехоты побежали, положение стало критическим. Я доложил командиру полка по рации сам, радиста у меня уже не было. Подполковник, взяв микрофон, сказал: «Держись, Гриша! Даю всем полком». 16 тяжелых орудий выпустили около 200 снарядов, они рвались на склонах, да и на самой высотке. Враг отступил.

В 1957 году в 10-м классе 286-й школы я подробно рассказал об этом эпизоде, используя мел и доску, и даже прочитал небольшой кусочек из одной из многочисленных моих записных книжек. В 1963-м году, когда этот класс собрался на пятилетие окончания школы, одна из выпускниц, ныне хирург-онколог, мать четырех дочерей и шести внуков, подошла ко мне, что называется, бросилась на шею, и говорит: «Как вы хорошо написали, только зачем вы взяли псевдоним?» С трудом разубедил ее, что напечатанная в «Новом мире» «Пядь земли» Бакланова, действительно, написана Григорием Яковлевичем, но не мной. У нас действительно много общего, не только имя и отчество, но месяц и год рождения. Оба мы артиллеристы. Я написал об этом случае Бакланову, и он ответил мне очень теплым письмом. Каждый раз, когда я на 9-е мая ездил в Москву на встречу с однополчанами, я разговаривал там с Григорием Яковлевичем.

Еще пара тяжелых дней на этой высотке. У командира стрелкового полка осталось здесь всего несколько десятков человек. Но вот произошла смена стрелковых дивизий. На высоту прибыли два командира стрелковых полков со значительным количеством бойцов. Вскоре, очень

медленно, но пошли вперед. Противник не раз пытался остановить нас, но безуспешно.

Много раз мне приходилось поддерживать стрелковые полки, и я, находясь на командных пунктах командиров этих полков, с ними ладил. Вспоминаю только один случай, когда командир стрелкового полка необоснованно потребовал от меня подавить вражеские пулеметы. Я ответил ему, что моя задача контрбатарейная борьба, а для борьбы с пулеметами у него есть и артиллерийская, и минометная батареи в своем полку.

Продвижение сдерживалось и малым количеством нашей пехоты, артиллеристов было больше, чем пехотинцев, некоторое время. На дороге вскоре встретил командира 4-й батареи Петченко, и как раз кстати, так как у меня вышла из строя радиостанция, и я воспользовался его радиостанцией для того, чтобы докладывать в штаб и передавать на батарею.

12-го меня вызвали в штаб и сказали, что я буду в резерве. Командир полка позвал меня ехать с ним для вручения медалей. На следующий день в 11–00 был концерт артистов Ленинградского Нового театра. Исполнили небольшую пьесу Островского и какую-то небольшую одноактную комедию. В заключение одна из артисток, подыгрывая себе на баяне, спела несколько песен. Продолжаю отдыхать. В тыл привезли фильмы. Первый — «Пархоменко» — посмотрел полностью. Второй, который я видел и до войны не раз, не смог досмотреть, ибо вышел из строя движок. Вскоре вызвали в штаб для получения боевой задачи.

Наше наступление иногда сдерживалось недостаточно быстрым подвозом горюче-смазочных материалов. Иногда мало было и снарядов. Вспоминается такой случай. Чтобы быстрее раздобыть снаряды, я на машине выехал на шоссе, по которому двигались большие колонны. Заметив колонну со снарядами, привстав на крыло своей авто-

машины, я рассмотрел, что там везут снаряды, какие нужны мне — стодвадцатидвухмиллиметровые. Остановил машину, спросил, куда везут. Ответили, в 4-ю артиллерийскую дивизию. Я дождался почти конца колонны, последние две машины остановил, повернул к своей батарее и там разгрузил. В горячке боевых действий я, конечно, тогда не подумал, чем это могло кончиться. Ведь это мог быть и трибунал. Доложил в штаб, что снаряды есть, и батарея опять полностью боеспособна.

В записных книжках номера и координаты целей, расход снарядов, названия населенных пунктов; о подготовке партсобрания, встречи и беседы с отдельными бойцами и командирами, и многое, многое другое. Вот некоторые из записей из этого «другого».

17 августа. Около 8-ми утра с огневой сообщили, что слышен шум моторов. А еще через несколько минут, что поднялась стрельба. Прошло еще немного времени, и новое сообщение: на огневых есть раненые. Оказалось: был убит Кочергин и ранен связист Голдовский. Днем я поехал на похороны Кочергина, который был в полку с самого основания. По пути на НП узнал, что в 4-й батарее убило Максичева и ранило Вавилова. О Максичеве я упоминал в ноябре 1941 года, он тогда был политбойцом. Тяжелый печальный день...

25 августа. Утром наступило затишье. Моя батарея отводится в лесок и не разворачивается. Прибыл заместитель командира полка Македони. Но вскоре его вызывают в штаб, сообщив, что подполковника отзывают из полка. Вечером, а точнее в 20–30, сообщают, что подполковник приглашает всех командиров батарей на прощальный ужин. Когда все собрались, сфотографировались. Посидели, повспоминали, а еще позже нас пригласили в штаб соседней 129-й стрелковой дивизии, это около двухсот метров, на просмотр кинофильма «Два бойца». Разошлись после 24–00.

29 августа. Все там же и так же. Был в тылу, поиграл в шахматы, взял журнал «Знамя» за 1941 год и несколько книжечек из «Библиотеки “Огонек”».

2 сентября. Нахожусь на своем НП, веду разведку. Отправил рапорт на Монахову с просьбой убрать из батареи. Несколько недель она была поваром на огневых, но там обстановка быстро стала ухудшаться. И я решил, что не надо ни одной женщины в батарее. День в основном прошел спокойно.

3 сентября. Около 9–00 слева Первый Белорусский фронт начал артподготовку перед наступлением. Прошло 10–15 минут, началась артподготовка и на нашем участке. Через некоторое время поднялась пехота и пошла вперед. Но идут очень неважно. Во второй половине дня пехота перешла железную дорогу, и я двинулся на насыпь около моста. Занял здесь временный наблюдательный пункт. Хорошо вижу в полутора-двух километрах немецкие машины, танки, самоходки. Но стрелять мне нечем.

6 сентября. И на НП и на ОП была комиссия по проверке оружия. Все в порядке.

7 сентября. На ОП делают блиндаж, внутри обшивают досками. В 10–00 в штабе полка общее комсомольское собрание. В 18–00 батарейное партсобрание. К восемнадцати я пришел на ОП, собрание прошло хорошо. И я вернулся на наблюдательный пункт.

8 сентября. Приезжал начальник штаба артиллерии 2-го Белорусского фронта. Никаких замечаний не было.

9 сентября. Читать ничего не достал.

10 сентября. После обеда мне стало плохо. К вечеру все хуже и хуже. Вызвал с огневой санинструктора. Около 10 вечера измерили температуру — 39 и 9. Трясет, закутали всего шинелями и одеялом.

11 сентября. Ночью ни на минуту не уснул. Голова раскалывается, еле дождался рассвета. Около 6–00 измерил температуру: 37 и 9. Решил ехать в санчасть, позвонил

командиру полка. Он отругал меня за то, что вечером не сообщил, и приказал немедленно отправляться в санчасть. Но я почувствовал себя немного лучше и остался на огневых позициях. Вечером читал «Одиночество» Николая Вирты и «Шагреневую кожу» Бальзака.

12 сентября. Ночь была беспокойной. Жажда, спал очень мало. Утром измерил температуру: 39,5. Поехал на повозке в санчасть. После обеда стало легче. Читал «Княжий угол» Николая Чуковского и перечитал Проспера Мериме «Хронику времен Карла IX».

14 сентября. Чувствую себя лучше. Прочитал рассказы Пантелеймона Романова «Черные лепешки». Вечером зашел к начальнику штаба. Как раз передавали приказ о взятии Праги (Варшавской).

15 сентября. Чувствую себя лучше, гуляю. Читал «Сестру Керри», а вечером смотрел кинофильм «Воздушный извозчик».

16 сентября. Стало лучше, и распрощался я с санчастью, отдал книги. Командир полка разрешил мне побыть на огневых позициях еще один день. По пути на батарею заехал в тыл полка к Попову. Посидели немного, поговорили, у него забрал все имевшиеся книжечки из «Библиотеки “Огонька”».

17 сентября. Прибыл на пункт, осмотрелся — вроде все по-старому. Старшина раздает злотые.

19 сентября. Сижу на пункте, читаю «Жизнь и деятельность Чернышевского» Стеклова. На огневые приехала комиссия из автобронетанкового управления фронта. Трактора и машины вполне в удовлетворительном состоянии, как отметила комиссия. Вечером на пункте читаю «Историю русской словесности» Сиповского, 1908 года издания.

Продолжаем продвигаться вперед к реке Нарев. Если за Белостоком, когда мы были на высотке, ее можно было перейти в некоторых местах вброд, то здесь за очередным изгибом, уже требовались для переправы мосты.

Плацдарм, севернее Варшавы километров 80–90 на стыке с 1-м Белорусским фронтом, был занят в районе городов Рожаны, Пултуск, Макув. По понтонным мостам наши орудия не пропустили. Но, когда южнее города Рожаны был построен мост, мы переправились на левый берег реки Нарев.

22 сентября боец моей батареи Хлебосолов поехал в Ленинград, сопровождая помощника командира полка Алексеева. Хлебосолову я дал поручение зайти в Ленинграде к моим. В этот же день я начал читать книгу Адама Смита «Исследования о природе и о причинах богатства народов». Читал я ее несколько дней.

24-го занял новый наблюдательный пункт. На батарею подвезли снаряды, их стало уже около 600. Во второй половине дня пришел командир полка, осмотрел наблюдательный пункт и сказал, что я буду пока в резерве. Взвод управления приказал направить делать ему блиндаж.

На следующий день ходил в штаб, где посмотрел кинофильм «Балтийцы», 1937-го года выпуска.

Продолжается оборудование ОП. Делают и большую землянку для командного состава.

28-го утром пошел к командиру полка и сказал, что хочу вечером в 20–00 отметить свой день рождения. Он ответил, что посмотрит, какова будет обстановка, и вечером в 18–00 мне скажет, кого я могу пригласить. Я обратил внимание на то, что хочу командиров батарей, и его, и штаб. На час раньше в 17–00 командир полка позвонил и сказал, кому можно. Я пригласил его, заместителей, начальника штаба полка, Пикулина (парторга полка), Аграновича (начальника радиосвязи). Землянка 4 с половиной на 2 с половиной метра, посередине стол из крышек от снарядных ящиков, над столом электрическая лампочка, работавшая от аккумулятора, снятого с танка. К 20–00 собрались все приглашенные и даже больше: начальник штаба соседней бригады и машинистка полка Натэлла

Гдушаули, которых привез подполковник. Вечер прошел хорошо. Когда разошлось начальство, разобрали стол, и начались песни и пляски под баян. Стали расходиться после часа ночи. Получил подарки. От бойцов батареи — именной портсигар, подписанный, с нарисованным, выгравированным орденом Отечественной войны, с очень теплой надписью. Портсигар был сделан из дюралюминия из крыла самолета, хотя бойцы и знали, что я в то время не курил. Получил от офицеров новую кобуру для пистолета, книги, блокноты и многое другое.

На следующий день командир полка ездил в штаб фронта, и среди других дел привез он и приказ о присвоении мне звания капитан.

Вечером 30-го по телефону вызвал к себе командир полка и приказал через 30 минут со взводом управления и связью быть у него. Срочно направили на пункт командующего артиллерией 40-го корпуса к полковнику Бычек. Получил задачу занять недалеко от командного пункта командующего свой наблюдательный пункт и протянуть к нему связь. Хотя по уставу было положено тянуть связь сверху вниз.

На следующую ночь заняли круговую оборону, т. к. всего 2 дня назад здесь были немцы, и они не оставляли попыток отбросить нас к реке.

3 октября на пункте комбата-3 собираемся на занятие. Первые два часа проводил начальник штаба Борисов: «Анализ артиллерии противника на нашем участке». Следующие два часа проводил командир полка: «Работа с батареей звуковой разведки».

Вечером я получил приказ перебраться на новое место, точнее на то старое, которое я занимал несколько дней назад. «Высота 112». Утром я перебрался туда. Оказалось, что все блиндажи и ровики целы, но обвалились немного. Готовится небольшая наступательная операция. Моей и 4-й батареям поручили бить по четырем батареям

противника. Координаты были нам переданы. Подготовив данные, я сообщил их на батарею. На следующее утро, примерно в 4 часа, еще было темно, началась небольшая артиллерийская подготовка, и затем двинулась пехота. Но удача не сопутствовала ей. Это небольшое наступление провалилось. Засечь батареи противника наши звукачи не смогли, так как все 4 батареи противника стреляли одновременно. Вечером 6-го был на огневых позициях, когда с наблюдательного сообщили, что на НП ранен разведчик Горнобогатов. Я сразу отправил за ним машину.

В том месте, где мы сейчас стояли, были бои в 1914-м. При оборудовании огневых позиций и наблюдательного пункта из земли было извлечено много патронов, обойм и даже целых снарядов. Находили патроны с обрезанными концами пуль. Они применялись в русской армии вместо разрывных.

10-го во время стрельбы на огневых позициях были задержки. Поговорил со старшим на батарее и выяснил, что не были подготовлены гильзы.

Получил новую стереотрубу с насадками.

Медленно продвигаемся вперед. 12-го очистили от фашистов город Рожаны. На следующий день перед строем взвода управления батареи командир полка вручил мне медаль «За оборону Москвы».

И тут же отдал приказ на занятие нового наблюдательного пункта в боевых порядках пехоты, показав на карте примерно место. Я со взводом управления пошел по Варшавскому шоссе и, когда подошли к месту, указанному подполковником на карте, оказалось, что там занять НП невозможно. Кругом лес. Был у командира стрелкового полка, выяснил обстановку, затем доложил командиру полка. Он поручил мне выбрать наблюдательный пункт, сообразуясь с обстановкой. Район леса, где мы находились, и небольшие полянки беспрерывно обстреливались

фашистами. Огонь вели минометы, артиллерия и реактивные установки, или как мы их звали «скрипуны» или «ишаки». Командир полка приказал мне прибыть на командный пункт командира стрелкового полка и оставаться там с частью разведчиков и связистов, протянув связь к нашим.

Но не успели мы пройти до места, до него еще осталось метров 300–350, мы только вышли на полянку, как по этой полянке фашисты нанесли большой удар, около 100 снарядов.

Когда обстрел кончился, я стал проверять, все ли целы. Большинство из нас успело попадать в ровики, в которых мы отлежались во время этого налета. Во время проверки я слышал: летит снаряд, но по звуку знаю, что он перелетит. Я стоял в ровике примерно по пояс, опираясь на края этого ровика руками. Снаряд действительно перелетел, но недалеко — несколько метров. Вспышка, разрыв, и мне обожгло правую руку. Рука повисла. Мне доложили, что ранило еще двоих. Я приказал командиру взвода управления Крылову принять командование, связаться с нашим штабом, доложить. А сам с двумя разведчиками, ранненными, направился к штабу полка.

Недалеко находилась батарея противотанковая, там, так как у меня не было своего санинструктора, мне разрезали шинель, перетянули телефонным проводом выше раны руку, перевязали немного рану. А перетянули проводом потому, что накануне в другой батарее у нас был случай, когда не перетянули выше раны ничем, не было жгута, и человек истек почти полностью кровью. В штаб был вызван начальник санчасти капитан Саша Щепкин. Меня срочно передали ему. Он тут же снял телефонный кабель и сказал, что еще немного, и я мог бы потерять руку. Слишком туго перетянули. Обработал рану. И затем стали ждать специальную машину, чтобы отвезла в полевой госпиталь. Вскоре пришел мой ординарец — кубанец

Саша Левин. Он был на огневых. У него во фляге оказалось грамм 100–150 водки, я ее выпил, и та дрожь, которая появилась у меня, прекратилась. Около 23.30 поехали в госпиталь. Ординарца я пока взял с собой.

Туда прибыли в час ночи. Как определили врачи, у меня сквозное осколочное ранение. Госпиталь располагался в больших палатках. После всего предшествующего операции: осмотра, заполнения всяких бумаг, я попал в операционную. Здесь под местным наркозом мне сделали больший разрез, вычистили кусочки тряпок, шинели, гимнастерки. Я наблюдал, как эту операцию проводили. Но еще не кончилась она, когда погас свет. Раздалась громкая команда: «Свечи!» И мне уже зачищали, забинтовывали рану при свечах. Около 5-ти часов утра я попал в палату.

В этом госпитале я пролежал до 24 октября. Левин бывает ежедневно, часто приезжают из полка. Был командир полка, его заместители, многие офицеры, командиры батарей: Агранович, помнач штаба полка Колодкин и другие.

18-го приехал помощник командира полка по хозяйственной части Алексеев с моим бойцом Хлебосоловым, которые накануне вернулись из Ленинграда. Посидели, поговорили, они рассказали о Ленинграде. Хлебосолов привез мне письма и небольшие подарки.

Первые дни было очень много гноя. Если утром делали перевязку, то часам к 17–18-ти она насквозь промокала. В воздухе все время был странный сладковатый запах.

Кроме меня в палате лежали еще два младших лейтенанта с самоходной установки, раненные одним снарядом. Один был командиром этой установки, другой командиром батареи, и оба были ранены в правую руку. У обоих были перебиты кости. Здесь же лежал командир взвода противотанковой батареи и командир взвода стрелкового полка.

Приезжавшие ко мне из полка сообщили, что немцы разбросали листовки, в которых говорилось, что командующего фронтом Захарова сменил, как писалось в листовках, «бандит Рокоссовский».

24-го утром нас повезли на станцию, где погрузили в один из вагонов. Мы, лежавшие в одной палате, старались держаться все время вместе. Целый день нас возили взад и вперед, собралось более 10-ти вагонов с ранеными. Через некоторое время, уже к исходу дня, вдруг расцепили эти вагоны. 5 вагонов, в том числе и наш, загнали в тупик. Простояли несколько часов. Наконец 25-го мы, однорукие, собрались вместе, пошли на станцию, крыть матом и начальника станции, и коменданта. Только после этого дело сдвинулось. Вновь поползли к эвакогоспиталю.

Только 26-го около 3-х часов дня мы прибыли в Белосток, где нас поместили в эвакогоспиталь. Сортировка, оформление, осмотр врачей длились очень долго. Только ночью я попал в операционную. Затем во временную палату, а утром перевезли в другое здание. Здесь была специальная офицерская палата, где я, как старший по званию, был назначен врачом старшиной палаты.

Через день я был уже в небольшой госпитальной библиотеке. Пересмотрел все книги, но не нашлось ни одной, которую бы я раньше не читал, до того бедна была эта госпитальная библиотека. Я перечитал несколько книг: романы, повести, рассказы, но от безделья не знал, куда деться. Появилась привычка ходить, которая сохранилась и до сегодняшнего дня.

Во время дежурств лечащего врача удавалось еще посидеть с ней в ординаторской, поговорить. Она — еврейка из Одессы, в 1944 году закончила медицинский институт, 1922 года рождения.

Постепенно рана затягивалась, и, по словам лечащего врача и зав. отделением, меня могли через некоторое время выписать с исключением с действительной службы.

Я немедленно сообщил командиру полка о том, что меня спишут, а я хотел бы вернуться в полк. В Белосток периодически приезжали машины получать запчасти, некоторые виды горюче-смазочных материалов и т. д. И вот с одной из этих машин привезли отношение от командира полка к начальнику госпиталя с просьбой выписать меня в полк. Начальник госпиталя собрал в кабинете комиссию, меня комиссовали и определили выписать в 557 артполк с предоставлением небольшого отпуска.

1945 год

После пребывания в двух госпиталях и краткого отпуска в Ленинграде 7-го января я вернулся в свой полк. Доложил командиру полка о прибытии. Он поговорил немного со мной, порасспрашивал, а затем, показывая на мою правую руку со скрюченными пальцами, говорит: «Что же будем делать?» Я говорю: «Дайте мне одного из вычислителей — вашего Боярского или Баева, и я приму опять батарею». «Нет. Пойдешь ко мне в штаб работать».

Так с 7 января 45-го года и до конца войны я работал в штабе. Быстро вхожу в курс дела. Все знакомы. Осваиваюсь с новыми обязанностями. Часто приходится дежурить ночью. А 10-го января с утра я поехал в соседний 11-й артиллерийский полк проверять готовность этого полка к ведению огня по батареям противника. Проверил координаты целей, данные аэрофотосъемки, запись звукобатарей, наземного наблюдения, таблицы ведения огня, затем на батареях данные по целям. Подготовка почти полная.

Поздно вечером вернулся в свой полк. Идет напряженная подготовка к наступлению. 13-го вечером командир полка выехал на командный пункт, а 14-го в 10 утра началась артиллерийская подготовка. Она длилась два часа. В это время, как стало нам потом более ясно, уже после проверки, в ходе наступления нашим полком было подавлено

более десяти батарей противника. Полк израсходовал более двух с половиной тысяч выстрелов.

В ходе упорных боев, отбивая контратаки противника, к исходу первого дня наши части заняли первую и вторую линии траншей. Медленно продвигаясь в течение дня, к исходу 15-го января удалось занять город Макув. Все так же медленно продвигаясь на север и северо-запад, отбивая контратаки врага, к исходу 18 января наши части заняли город Пшасныш.

20 января около 19 часов мы пересекли границу Восточной Пруссии.

Полк сосредоточился в городе Найденбург. Еще на пути к Найденбургу стали попадаться спиртзаводы, что несколько задерживало продвижение наших войск. А когда вечером в Найденбурге, ближе к ночи, уже начались пожары, они вскоре охватили значительную часть города. И стоявшие вдоль домов машины, трактора трудно было уводить, так как непросто было найти хотя бы одного трезвого водителя.

В последующие три дня довольно медленно продвигались вперед, иногда разворачиваясь в боевой порядок. К исходу 23 января полк занял боевой порядок на окраине города Алленштайн. В этом городе нашими частями были захвачены огромнейшие склады с продовольствием. В основном, как говорили тогда, это были склады резерва Главного командования военно-воздушных сил Германии. Кроме продовольствия всех видов, очень много было вин различных, ликеров, сигарет, шоколада и т. д. Естественно, это привлекло внимание наших бойцов.

В последующие две недели медленно, почти строго на север, продвигаемся, преодолевая сопротивление противника. Враг часто контратакует: так 4 и 5 февраля в день было 8–10 контратак.

7-го вечером получили приказ командующего артиллерией армии вывести два орудия на прямую наводку. Эти

наши самые тяжелые в то время дальнобойные пушки полевой артиллерии, стодвдцатидвухмиллиметровые, были выведены. Повел эти орудия капитан Колодкин. А еще через день получили приказ вывести на прямую наводку еще два орудия. Эти два орудия повел я. Ночью стали продвигаться ближе к переднему краю, но трактора тарахтят, и плюс искры летят из труб тракторов. Трактористы решили, смочив ветошь, тряпки, заткнуть трубы эти, но вскоре у одного трактора тряпки настолько высохли, что загорелись. Орудия были установлены в боевых порядках пехоты в 300–350 метрах от противника. Это было в ночь с 9-го на 10 февраля. Были потери среди наших бойцов.

А днем 10-го февраля полк получил приказ занять новые позиции, передислоцироваться совершенно в другой район. Совершив почти двухсоткилометровый марш, полк переправился на левый берег Вислы, перейдя из состава 48-й армии в 65-ю. И здесь, развернув боевой порядок, мы начали медленное продвижение вдоль левого берега Вислы на север.

20 февраля полк получил три дня на приведение в порядок тракторов, людей и всей техники. Трое суток пролетели быстро. 22-го вечером командир полка собрал командный состав, чтобы отметить День Красной Армии, а 23-го февраля с утра вновь заняли боевой порядок.

Противник занял оборону на левом, северном берегу реки Шварцвассер. 24-го утром меня вызвал командир полка и приказал проверить обстановку на правом фланге, на стыке армий. Уточнить, где противник и что собой представляет находящаяся примерно в 6-ти километрах на правом фланге деревня, есть ли там противник. Я взял командира взвода управления полка, пять разведчиков, и мы на машине выехали в этот район. Проехав несколько километров, не выезжая из леса, на дороге оставили машину, пешком вышли на опушку леса, а дальше, увидев

деревню, стали наблюдать. До деревни было метров 500–600. Она находилась в низинке, посередине нее проходила река Шварцвассер. Вскоре мы заметили людей в темной форме. Разделившись на две группы, мы по кюветам поползли ближе к деревне. Впереди на дороге стоял ЗИС-5. Около него мы увидели убитого старшину. Разведчики подползли, забрали его полевую сумку. Рассмотреть, что в машине, мы не успели, ибо в деревне наступила тишина, прекратилось движение, и вскоре по дороге, по обе стороны которой мы лежали в канавах, в кюветах, был открыт пулеметный огонь. Также ползком мы стали отходить, а затем, когда доползли до опушки леса, пригибаясь, бегом к машине. Фашисты к пулеметному огню добавили и минометный обстрел из восьмидестидвухмиллиметровых минометов. Но машина уже была развернута, мотор заведен, мы вскочили и удачно вернулись в свою часть. Здесь я доложил командиру полка обстановку.

В последующие три дня идут бои за расширение небольшого плацдарма на левом берегу реки Шварцвассер. Противник упорно сопротивляется. Около 16-ти часов 27-го февраля 4 наших штурмовика ИЛ-2 в сопровождении истребителей нанесли удар по фашистам, но одновременно задели и наши позиции. На НП было ранено 5 человек.

В последующие дни медленно продвигаемся вперед в день от 1-го до 4-х километров. 8-го марта полк пересек границу Данцигской области и сосредоточился в районе деревни Нидерхалле, развернувшись в боевой порядок. Через несколько часов одну батарею выдвинули вперед на расстояние менее километра до переднего края с тем, чтобы она могла доставать до Данцига, до которого было 20–20,5 км. 10 марта эта батарея произвела первый огневой налет по Данцигу, выпустив 60 снарядов.

Вскоре, после вступления в Данцигскую область, мы встретились с выходящими из концлагерей узниками. Это было в районе Криссау и перед деревней Смольгин. Не-

возможно передать то волнение, которое испытывали и мы, и освобожденные люди различных национальностей. Когда, почти через 50 лет, мне довелось разговаривать с Марией Григорьевной Рольникайте, она сказала, что, вероятно, находилась в одном из этих лагерей. (М. Г. Рольникайте теперь известная писательница.)

11 марта в распоряжение полка прибыл первый ВДАН — дивизион воздухоплавательных аэростатов артиллерийского наблюдения. Мне было поручено руководить огнем двух батарей с использованием для корректировки двух отрядов этого дивизиона. В первые дни воздухоплаватели из-за плохой погоды Данциг не видели. Хотя аэростаты поднимали в воздух ежедневно. 16 марта сменили боевой порядок. Батареи продвинулись ближе к городу. Остановились в 15-ти километрах от Данцига. Теперь уже вели огонь с помощью наблюдателей-корректировщиков. Но вот 18 марта из города, непонятно с какой площадки, взлетел истребитель, подлетел к аэростату и сжег его. Летчик-наблюдатель капитан Бишоков был ранен. 19 марта получил приказ одну батарею передвинуть и поставить на прямую наводку на участке соседнего корпуса. Эта батарея предназначалась для борьбы с немецкими «Тиграми». В последующие дни все ближе и ближе придвигаясь к Данцигу, мы вскоре уже могли отказаться от помощи летчиков-наблюдателей аэростатов.

Стрельба с помощью корректировщиков с аэростатов велась по батареям противника (подавлено 3 батареи), по верфи Шиккау, по гавани, по нефтебакам, по пакгаузам (пожары, которые отметил летчик-наблюдатель).

У меня сохранился план города Данциг с отметками целей, по которым велась стрельба с помощью корректировщиков с аэростатов. Этот план хранился у меня долго, но перед пятидесятилетием Победы я сдал его, передал в Артиллерийский музей, или, как он теперь называется, Музей артиллерии, инженерных войск и войск связи.

25–26-го марта мы смогли отказаться от помощи аэростатов воздушного наблюдения и заняли боевые порядки на западной окраине города Данцига. Еще несколько дней, и 30-го марта Данциг был полностью очищен от фашистских войск. Небольшая часть их, отступая, отошла на косу восточнее Данцига, и в период боев за город и после 30-го фашистские корабли обстреливали город и наши части. У нас была предпринята попытка стрелять по этим кораблям. Вытащили на удобные позиции орудия, но так как специальных приборов для ведения борьбы на море у нас не было, попытка была не очень удачной. В Данциге были захвачены большие склады и большое количество подводных лодок, частью стоявших в порту, частью в доках на ремонте.

4-го апреля полк получил приказ передислоцироваться на левый фланг 2-го Белорусского фронта на стык с 1-м Белорусским на реке Одер. Полк сосредоточился в районе города Черск. Здесь погрузили на железнодорожные платформы трактора, орудия, горючее и много другого имущества. Автоколонна своим ходом отправилась к Одеру, а эшелон вскоре прибыл туда же.

14-го апреля полк занял боевой порядок на левом фланге фронта на участке 49-й армии. Пристрелка, а затем и участие в артподготовке. На нашем участке Одер разлился километра на три. Между западным и восточным рукавами было около 3-х километров. Посередине реки луговина была затоплена. Пехота в основном ночью и утром, продолжала продвижение, в основном на машинах «Амфибия». Был занят небольшой плацдарм. Это в районе города Шведт. Всю ночь выявляли цели, пристреливали, большей частью с помощью звукобатареи. Утром усилилась борьба за расширение плацдарма на левом берегу реки Одер.

Около 15-ти часов полк получил приказ свернуть боевые порядки и выступить в район города Штеттин, на

участок, занимаемый 65-й армией. Командир полка выехал вперед в штаб артиллерии армии, для уточнения задач полка. Я поехал туда же, где получил карты для нашего дальнейшего продвижения вперед, план Штеттина, и успел догнать свой штаб. С группой офицеров и разведчиков выехал вперед намечать огневые позиции и наблюдательные пункты. Уже стемнело, вскоре к нам подъехал командир полка. Я стал показывать места, где будут стоять огневые позиции, где будут наблюдательные пункты. Командир полка внимательно осматривал район размещения полка.

Немецкие одиночные бомбардировщики бомбят наши боевые порядки и район переправ через реку Одер. Несколько раз ящики с минами были сброшены и в нашем районе. Осколком одной из мин командир полка был ранен в коленный сустав, коленная чашечка была повреждена. Подъехала «эмка», и вместе с ординарцем командира полка, вместе с разведчиками мы положили командира полка на заднее сидение. Увидев меня, он тут же стал давать мне указания, (хотя народу собралось человек 10 уже), где и что делать. Я говорил: «Я все помню, и все поставлю, и батареи, и НП, и все покажу. И все будет на месте». Он закричал: «Замолчи и слушай». Выругался, естественно. Я вынужден был дослушать его, только после этого он разрешил везти его в санчасть.

Я разыскал штабную машину, начальника штаба полка Борисова, доложил ему, что командир полка ранен, и все его распоряжения, в частности, по поводу установления связи с соседями и с вышестоящим штабом. К утру полк практически уже стоял на своих позициях: и огневые позиции были заняты, и наблюдательные пункты. Командование полком принял заместитель по строевой части гвардии-майор Леммени—Македони. Я съездил в штаб бригады, получил координаты вражеских батарей. Мы провели пристрелку.

В последующие двое с лишним суток идут бои за расширение плацдарма на левом берегу Одера. На западный берег переправляются части 2-й Ударной армии, и мы своей контрбатарейной борьбой активно помогаем ей в этом продвижении. По Штеттину ни артиллерия, ни авиация не бьют до 25-го числа. Но когда 25-го апреля из самого города по наступающим нашим частям, по переправам, во фланг нашим войскам начала бить артиллерия противника, наша артиллерия и авиация наносят удар по этим артиллерийским батареям врага. Рано утром 26-го апреля из города с белыми флагами вышла группа в штатской одежде, вероятно, мирных жителей. Они заявили, что в городе не осталось войск, что все ушли. Больше по городу мы не стреляли. Когда в конце мая и в июне мне приходилось ездить в Штеттин в штаб фронта, проезжая по городу, и в центре, и на окраине, там, где мы проезжали, я не видел в нем разрушений.

С 26-го начинается преследование отступающего противника, и полк, почти не разворачивая боевой порядок, безостановочно движется на запад и север-запад.

3-го мая полк вышел к Балтийскому морю недалеко от города-порта Штральзунд.

7-го вечером (около 1 часа ночи) мы поймали радиостанцию Объединенных Наций (Люксембург), которая передавала сообщение об окончании войны, о капитуляции Германии.

8-го с утра полк продолжал оборудование лагеря. Около 12 часов дня приехал командующий артиллерией 65-ой Армии, который приказал построить личный состав. Он поздравил всех нас с окончанием войны, с Победой. Радость, конечно, была огромная, и в подразделениях были устроены торжественные обеды. Сделали общие столы из ящиков от боеприпасов. Выдали водку, использовали запас коньяка. После обеда начались песни и пляски, ко-

торые продолжались до поздней ночи. Объятия, поцелуи, обмен адресами. Легли спать очень поздно.

9-го утром Москва передавала сообщение о подписании акта о капитуляции Германии, а также объявление о том, что 9-е мая теперь будет Праздником Победы, праздником всей страны. Конечно, неплохо было бы, чтобы никаких работ не производилось — дать отдохнуть бойцам, но командир полка, исполняющий его обязанности, Леммени—Македони приказал работать. Хотя мы, офицеры штаба, командиры батарей уговаривали его не делать этого, он повторил приказ. С большой неохотой бойцы продолжали работу по оборудованию лагеря, но недолго. Около 12-ти часов дня приехал начальник политотдела армии, и, увидев, что люди работают, в присутствии офицеров штаба отругал командира полка за подобные действия. «Надо людям дать отдохнуть! Праздновать, чтобы они прочувствовали этот праздник, как следует».

В последующие дни я занимаюсь в штабе планированием боевой подготовки подразделений полка и различными бумагами.

В середине мая мы получили приказ перебазироваться в район севернее Берлина, около города Трептов. Здесь создается большой лагерный сбор, где сосредоточилось более 15-ти артиллерийских полков и бригад 2-го Белорусского фронта. Таких лагерных сборов 2-го Белорусского фронта на территории Германии было создано несколько. Создается и штаб лагсбора. В связи с этим первый помощник начальника штаба полка капитан Колодкин уходит работать в штаб лагерного сбора.

Его обязанности были возложены на меня. Работы значительно прибавилось, тем более вскоре пришла еще директива немедленно заняться проверкой награждения личного состава. Чтобы все участники боев были награждены, и те, кто недостаточно награжден, были также награждены.

Четыре дня почти круглосуточно сижу за составлением реляций и оформлением наградных листов. Приказано было весь этот наградной материал представить в штаб фронта, в штаб армии до 25-го мая. Из 65-й армии пришел обратно наградной материал на нескольких офицеров, в том числе и на меня. После некоторого переоформления и после того как по приказу командира полка документы были привезены к нему в госпиталь на подпись, весь этот материал был с новой препроводиловкой отправлен в штаб фронта. Одновременно были оформлены и отправлены в штаб фронта наградные материалы на польские ордена на начальника штаба полка, на помощника командира полка по техчасти и меня.

Территория лагсбора быстро благоустраивается: орудия выстроены в линейку. Здесь застыли сотни орудий. Строятся дома для личного состава, командного состава, ленинские комнаты. Все красится, приобретает жилой вид.

29-го мая получили приказ: начальнику штаба явиться в штаб фронта для инструктажа по поводу переаттестации офицерского состава. Но так как начальник штаба еще не вернулся из штаба 65-й армии, пришлось ехать в штаб фронта мне. Я договорился с начальником штаба 517-го полка и вместе с ним рано утром 30-го выехал. К вечеру вернулся, в штабе доложил кратко исполняющему обязанности командира полка Леммени— Македони. Срок дали до 10-го июня. В штабе фронта встретил подполковника Турищева, того, который преподавал в артиллерийском училище нам материальную часть. Он был тогда старшим лейтенантом, сейчас начальник штаба гвардейской минометной бригады. Встретил и одноклассника по спецшколе, который готовился ехать на парад в Москву.

Одновременно с дооборудованием лагеря идет боевая учеба. Планирование, организация и контроль боевой подготовки были возложены на меня.

1-го или 2-го июня в полк приехал начальник штаба артиллерии фронта полковник Вайсбанд. Он привез приказ о передислокации нашего полка из Германии в Польшу. Туда перебазируется почти весь 2-й Белорусский фронт. Мы должны были переехать в район города Вонгровец. Это в 70-ти километрах от Бромберга. Некоторые артиллерийские части остаются в оккупационной зоне Германии.

Офицеры всего полка уговаривают, упрашивают исполняющего обязанности командира полка Леммени—Македони организовать поездку в Берлин. Наконец 2-го вечером он соглашается и назначает эту поездку на раннее утро 3-го июня.

Но в тот же вечер 2-го июня мне пришлось ехать со срочным пакетом в штаб фронта в Штеттин. Вернулся я почти в 4 часа ночи.

В 7 часов утра в «эмку» садятся исполняющий обязанности командира полка, начальник штаба Борисов и помощник командира полка по техчасти Попов. В немецкую дизельную машину, десятитонную, которую мы прозвали «фрау», садятся остальные офицеры. Колодкин, который должен был прибыть из штаба лагсбора, опаздывает. Его нет. Меня оставляют за старшего. И вот уже дается команда: «Ехать», в это время появляется Колодкин. Тогда Леммени—Македони поручает ему остаться в лагере, а мне разрешает ехать со всеми в Берлин.

Когда проехали около половины пути до Берлина, примерно 70 километров, сломалась дизельная немецкая машина. Что делать?.. После некоторого совещания приняли решение, что начальство на «эмке» едет вперед, встреча у рейхстага. А мы на попутных машинах добираемся сами туда. С некоторыми затруднениями, с пересадкой нам удалось приехать к рейхстагу. Радость была очень велика, и первое, что мы сделали, все, конечно, на ступенях рейхстага сфотографировались. Затем вошли внутрь, стали смотреть помещение, поднялись наверх.

Сверху смотрели на разрушенный, поверженный Берлин, на реку Шпрее со стоящими там пароходиками. К счастью, у меня сохранились фотографии. Мне очень дороги эти берлинские снимки. Затем мы пошли по Берлину. Походили, поближе подошли к Бранденбургским воротам, к памятнику – Колонне Свободы. Сфотографировались в нескольких местах, в том числе у памятника Фридриху II. А затем вновь вернулись к рейхстагу, где начальство наше и исполняющий обязанности командира полка сказали, что они едут в полк и пришлют за нами машину.

Мы прождали до 11-ти вечера, когда уже начало темнеть. Машины так и не было. Нашли офицерскую гостиницу, но нас туда не принимали. С трудом, но все-таки это удалось. У меня сохранилось командировочное удостоверение, одно и второе, для поездки в Штеттин. И в одно из них мы вписали: «...с ним 12 офицеров». Нас не только разместили в этой офицерской гостинице, но и накормили ужином. В 6 утра мы отправились к рейхстагу, но никакой машины из полка не было. Около 8-ми утра машины нет. Мы решили добираться группами в полк отдельно, самостоятельно. Через 2–3 часа мы доехали до городка, куда оттащили сломавшуюся немецкую дизельную машину, а вскоре из полка туда же прибыла трехтонка ЗИС-5. Вскоре мы были уже дома, у себя, в расположении лагеря.

5-го автоколонна выехала на новое месторасположение полка. Я остаюсь с батареями, с техникой на старом месте ждать распоряжения. При проверке обнаружил, что ночью недостаточно действенна охрана: люди уходят самовольно, покидая расположение части. Я решил срочно собрать всех командиров подразделений, всех командиров батарей и начать занятия, чтобы люди не оставались без дела.

7-го к 12-ти часам вызвал всех командиров батарей, пригласил секретаря партбюро майора Пикулина Ивана Яковлевича. А тот сообщил об этом находившемуся здесь

же в расположении зам. командира полка по политчасти майору Виноградову, которого в полку все звали: дядя Ваня. И перед самым началом совещания он вдруг входит с газетами в руках и, не дожидаясь никаких объявлений, начинает читать лекцию-политинформацию. С трудом я дождался, когда он сделал перерыв, и обратился к командирам батарей. Отдал распоряжение о том, чтобы ежедневно до отъезда с утра шесть часов люди занимались. Установлено было дежурство офицеров и в полку, и по подразделениям.

Одновременно полк готовится к перебазированию в Польшу.

В эти же дни мне было поручено отправить первую очередь демобилизуемых — всех женщин и мужчин старших возрастов. Всех их обеспечивали подарками со специальных складов перед погрузкой в эшелон. Со многими прощался очень тепло. Хорошо помню еще с 1941 года командира орудия Александра Ивановича Романова, 1905-го года рождения, бойца Чубукова Алексея Тимофеевича, 1898-го года рождения, который в конце 1943-го года учил меня затесывать бревна при строительстве домов, землянок. Обнялись на прощание, расцеловались.

В эти же июньские дни несколько раз ездил в госпиталь к командиру полка в город Рансвальде. Ему становилось все хуже, он уже не вставал. Ему трижды отпиливали ногу из-за гангрены. Лицо пожелтело, говорил очень тихо. Много интересовался отдельными командирами, штабными, батарейными. Но 14-го июня его не стало… Наш батька скончался. Может быть, если бы, когда началась гангрена, сразу отрезали бы больше, он остался бы, пусть без ноги, но жив. Я попытаюсь, может быть, чуть позже еще немного больше о нем рассказать. А пока вспоминается, как мне было поручено взять гроб с его телом из госпиталя. Там этот гроб был обит цинком, и я на открытой машине с гробом, с откинутыми бортами

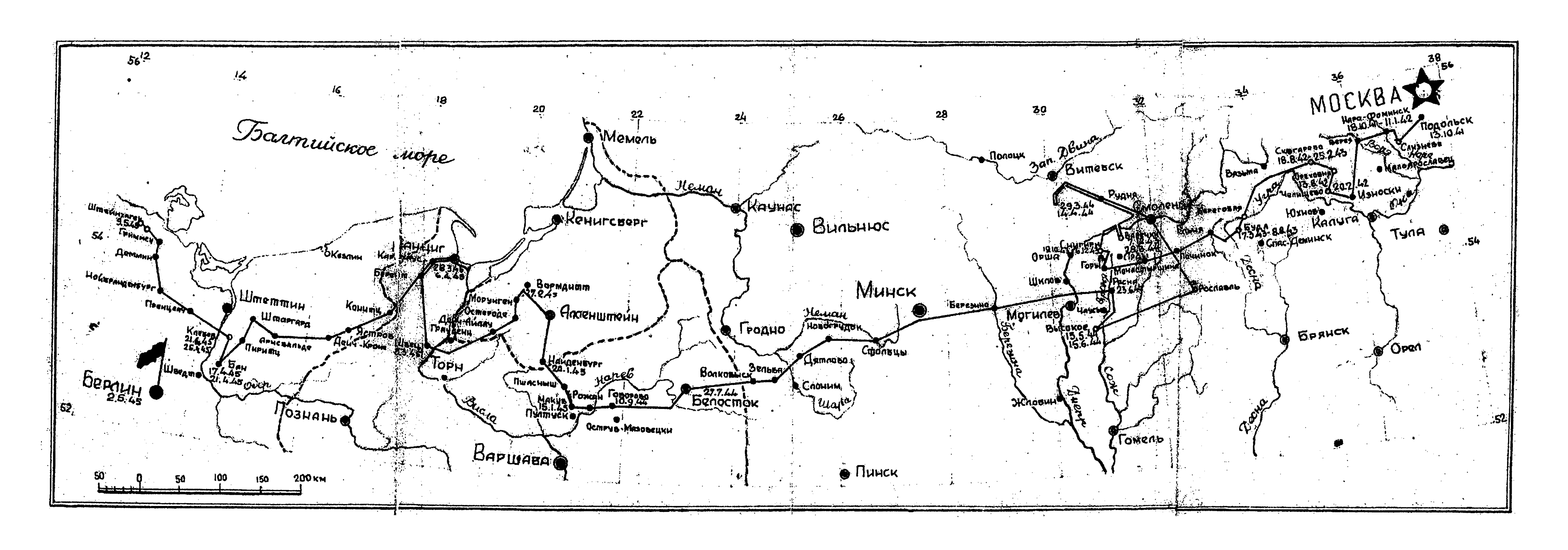
подъехал к расположению полка, где было организовано прощание с нашим командиром Макарьевым Василием Никитичем. Почетный караул, в котором стояли все офицеры; его награды, ордена, медали на подушечках. Весь полк проходил мимо гроба, на несколько секунд бойцы и командиры задерживались. После прощания, с разрешения штаба фронта, тело Макарьева было увезено на нашу советскую землю. Он был похоронен на центральной площади города Барановичи 17 июня 1945 года.

557-й корпусной артиллерийский полк был сформирован 30 сентября 1941 года в городе Подольске. Приказом Верховного Главнокомандующего от 10-го июля 1944 года полку было присвоено наименование — Верхнеднепровский.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9-го августа 1944 года за образцовое выполнение заданий командования в боях с немецкими захватчиками за овладение городом Белосток полк был награжден Орденом Боевого Красного Знамени.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 марта 1945 года за образцовое выполнение заданий командования в боях с немецкими захватчиками при прорыве обороны немцев севернее Варшавы полк был награжден Орденом Александра Невского.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 мая 1945 года полк был награжден Орденом Кутузова 3-й степени.

МОСКВА
Балтийское море
Мемель
Неман
Каунас
Вильнюс
Кенигсберг
Минск
Гродно
Витебск
Зап. Двина
Полоцк
Смоленск
Могилев
Орша
Шклов
Березина
Днепр
Сож
Гомель
Пинск
Белосток
Волковыск
Слоним
Новогрудок
Дятлово
Столбцы
Брянск
Орел
Тула
Калуга
Вязьма
Десна
Рославль
Износки
Юхнов
Спас-Деминск
Малоярославец
Подольск
Нара-Фоминск
Варшава
Висла
Нарев
Пултуск
Острув-Мазовецки
Алленштейн
Торн
Данциг
Штеттин
Штаргард
Познань
Одер
Берлин
2.5.45
Жлобин
Чаусы
Рудня
Горки
Понинок
Ельня
Пирицц
Коницц
Демин
Ястров
Вормдитт
Найденбург
Пшасныш
Мокув
Рожан
Говорово
Шведт
Бан
Кюстрин
Пренцлау
Гриммен
Штейнхаген
Мемель
Кезлин
Высокое
Сухиничи
200 км

Сальман Григорий Яковлевич

Инвалид Отечественной войны I группы, подполковник в отставке.

Родился 28 сентября 1923 года.

С 1937-го по 1940 год учился в 8–10 классах 10-й специальной артиллерийской школы.

С августа 1940 года во 2-м Ленинградском артиллерийском училище.

В середине июля 1941 года по 9 мая 1945 года — Западный и 2-й Белорусский фронты. Командир взвода, начальник связи дивизиона, заместитель командира батареи, командир батареи, помощник начальника штаба полка.

С 1946-го по 1949 год — диспетчер, старший инженер-диспетчер, инженер по технике безопасности завода «Госметр».

С 1946-го по 1950 год — заочное отделение исторического факультета Ленинградского государственного университета. С 1953 года учитель истории, методист, директор школы.